

А И Ш М Л

online-best

ЭШЛИ ДЬЮАЛ
НОЧНЫЕ ЖИВОТНЫЕ

В Д Ю О А

Н О Ч Ш Ы

Ж К М В Е

Т Н Ь Е О

online-best

Эшли Дьюал

Ночные животные

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Дьюал Э.

Ночные животные / Э. Дьюал — «АСТ», 2018 — (online-best)

ISBN 978-5-17-111300-1

Трое парней пытаются найти свое место в жизни. Они не похожи друг на друга, но их объединяет одно: каждому пришлось столкнуться с несправедливостью, которая диктует правила игры. Артур, Даниил и Константин решают сразиться с несправедливостью по-своему и открывают сайт, куда могут обратиться все, кто нуждается в помощи. Палач, судья и жертва. Так ли просто выносить приговор? И что делать, когда приговор выносят тебе?

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-111300-1

© Дьюал Э., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	24
Глава четвертая	36
Глава пятая	50
Глава шестая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Эшли Дьюал

Ночные животные

Сэмюел Джонсон, 1755 г.

Благими намерениями вымощена дорога в ад

От автора: сюжет и герои являются выдумкой. Любое совпадение или несовпадение с действительностью – решение писателя, вдохновленное его мятежной фантазией

Глава первая

Комната

В этом мире существует три типа людей.

Такие как Артур Селиверстов, которым мало проблем.

Такие как Даниил Волков, которым вполне нравится просыпаться по утрам и жить в той реальности, которую прописал Иисус в сандалиях.

И такие как Константин Ромал, которым хочется умереть с момента рождения.

Жизненные пути этих троих вряд ли пересеклись бы при обычных обстоятельствах, но что-то пошло не так в небесной картотеке, и священные бумажки перемешались.

Костя, Артур и Даниил одновременно покинули свои родовые гнезда и направились в Санкт-Петербургский государственный университет, знаменитый одной из старейших библиотек России и «модным» талисманом, который году так в девяностом наверняка привиделся основателям вполне необычным. Черный двуглавый орел украшал не только логотип сайта, но и подушки, двери кампусов, кроссовки и форму спортсменов.

Поступить в эту обитель знаний и роскоши могли те, у кого были деньги, нужные знакомые или мозги. И да, это еще одна классификация трех типов личности, к которым относились Артур, Константин и Даниил.

Санкт-Петербургский университет считают одним из самых красивых университетов России. На кафедрах преподают ученые со всего мира, в кафетерии кормят вполне сносно, и еще в общежитиях не водится всякой недружелюбной живности и приятно пахнет.

Все это уже второй век заставляет особо озабоченных родителей натаскивать своих отпрысков, а богачей – выворачивать карманы. Иными словами, послужной список у университета превосходный, и тот, кто переступал его порог, вставал на новую тропу в своей жизни, поднявшись на ступеньку выше по карьерной лестнице.

Под конец учебного года газеты распинались о красоте Петергофа, восхищались культурным наследием Эрмитажа, анализировали потребительский рынок. И повторяли, что Санкт-Петербургский государственный университет «является центром российской науки и культуры».

Артур Селиверстов газет не читал. Он отдавал предпочтение «черному зеркалу»¹ и всегда относился с предубеждением к тем, кто ходил в библиотеку, а не скачивал нужные данные из сети. И вот он, молодой парень, сбитый с толку, уставился на крышу каменного массивного сооружения, а потом устало смахнул испарину с лица. Его золотистые волосы сильнее вились от влаги, а щеки краснели от любого намека на физический труд. Артур подхватил с земли

¹ «Черное зеркало» – аналог экрана мобильного устройства, ноутбука, компьютера. Так называется британский телесериал, созданный Чарли Брукером.

тяжелые чемоданы и победоносно улыбнулся. Он сделал это. Он поступил в университет, ушел из дома. Он сам несет свои сумки и кивает каждому прохожему, готовый общаться с любым, кто соизволит первым поздороваться. Довольный своим поведением, парень, не сбавляя шага, миновал узкие коридоры студенческого общежития и поднялся по лестнице на шестой этаж, где находилась его комната на ближайшие четыре года. Ему с трудом верилось, что ему удалось выбраться из семейной паутины. Все оказалось куда проще, чем он предполагал. Артур прошел мимо незнакомых парней, небрежно кивнув им, а потом заметил три заветные позолоченные цифры на деревянной двери в конце коридора и чуть ли не рысью кинулся вперед, не обращая внимания на скрип пола под ногами.

– Ключи, – пробурчал он себе под нос и затормозил перед номером 102. Уставшие пальцы уже жгло от тяжести чемоданов. Артур попытался было достать из кармана маленький ключ, который ему вручила пожилая женщина в очках в главном корпусе университета несколько дней назад, но дверь внезапно распахнулась и едва не заехала ему по лбу.

– Ой! – воскликнула появившаяся в дверном проеме женщина, схватившись руками за щеки. Она отшатнулась, и ее черные кудри подскочили, как пружины. – Сынок, ты в порядке? Я тебя не задела?

– Все отлично, – натянуто улыбнулся Артур.

– Бог мой, я не собиралась ломать тебе нос.

– Да, мой нос... мне дорог.

– Какой ты славный! – Незнакомка заулыбалась, от чего у нее появились морщинки около губ и намек на второй подбородок. Руки женщины были полноваты, обтягивающая оранжевая майка не скрывала, а подчеркивала валики жира у нее на талии. Если бы мать Артура оказалась рядом, ее бы хватил инфаркт. – Даня! – внезапно закричала женщина и взмахнула рукой. – Иди же сюда, это твой сосед! Какой у него мужественный подбородок. Тебе не кажется?

Артур в очередной раз растянул губы в фальшивой улыбке, чувствуя, как дрожат его пальцы, стискивающие ручки чемоданов. Он протянул:

– Мне нужно...

– Даня!

Артур послушно замолчал, а на пороге показался шуплый темноволосый паренек с удивительно яркими глазами. Они у него были такими же голубыми, как Байкал или небо в ясную погоду. Паренек несколько раз дернул уголками губ, что выглядело странно, а потом высоким ровным голосом отрезал:

– Да, подбородок у него широкий и грубый.

Артуру не понравилось, что эти двое рассматривали его подбородок.

– Очень интересное замечание. Но у меня руки сейчас отвалятся.

– О, ну конечно! Забегай давай. – Женщина отошла в сторону и кивнула, улыбаясь искренней теплой улыбкой. Наблюдая, как Артур ворвался в комнату, она подскочила, когда его багаж с грохотом полетел на пол, и поджала губы. – Бедный, почему тебя никто не проводил? Чемоданы, наверное, тяжелые.

– Да нет. Я... ничего особенного... – пробормотал Артур, осматриваясь.

Его брови поползли вниз. Комната оказалась крошечной и уродливой, в ней едва умещались три высоких шкафа и три узкие кровати. Письменный стол, на столе – медная лампа, а под ним – мусорное ведро. Большое квадратное окно немного скрашивало впечатление от каморки, делая ее уютной и пригодной для жизни. Артур подбоченился.

– Жестко.

– Ладно, устраивайтесь, – скомандовала женщина, – не буду вам мешать. Даня, ты помнишь, о чем мы с тобой договорились?

Даня согласно кивнул, а Артур тем временем присвистнул, не представляя, как разложить все свои вещи. Если верить информации на университетском официальном сайте, апартаменты

для студентов *«просторные и соответствуют всем требованиям обучающихся»*. Наверное, у администраторов произошел какой-то сбой, и они забыли обновить данные, потому что у Артура не находилось слов, чтобы описать эту убогую конуру.

Краем уха Артур услышал, что незнакомка всплакнула, но, когда он обернулся, дверь за ней уже закрылась. Он перевел взгляд на своего соседа и невесело пожал плечами:

– Расставаться всегда трудно.

– Ты прав, – согласился парень. – Я – Даниил Сергеевич Волков. Я буду учиться здесь, в Санкт-Петербургском университете, и я – твой сосед по комнате.

Артур вскинул брови, не представляя, зачем Даниил говорит очевидные вещи, но потом все-таки улыбнулся и шагнул вперед, вытянув руку:

– Артур Се... – Он запнулся, сжав ладонь Даниила. – Попов. Артур Попов.

– Попов, интересно. Александр Степанович Попов изобрел радио в результате многолетней исследовательской работы.

– А знаешь... правда ведь. Я об этом не подумал.

– То, что очевидно для одних, таковым для других не является.

– Точно, – усмехнулся Арт и отступил назад. – Ты уже давно здесь?

– Я приехал сегодня, как и все первокурсники, потому что я поступил...

– Нет, я к тому: давно ли торчишь тут?

– Торчу? – Даниил нахмурился. Лицо у него было невинным и детским, без намека на щетину или легкий пушок над губой. Синяя рубашка была плотно застегнута под самое горло, штаны поддерживал широкий кожаный ремень коричневого цвета в тон коричневым ботинкам. Парень наклонил голову набок. – Я не торчу.

– Да я просто... – Артур растерянно взмахнул рукой. – Я думал, что приеду раньше всех, а ты, похоже, ночевал под дверью. Хотел кровать первым занять, да? Так я и подумал.

– Зачем мне это делать? Я ночевал дома, в Кингисеппе².

Артур застыл, с прищуром осматривая своего соседа: тот или издевается, или у него проблемы с головой. Вряд ли этот худощавый и прямой как струна Даниил мог притворяться с такими невинными голубыми глазами.

– Ладно. Тогда кровать себе выберу я. – Артур вновь осмотрелся и понял, что ничто не поднимет ему так настроение, как место рядом с окном и письменным столом. Правда, на матрасе валялись какие-то пакеты. Артур небрежно скинул их на пол. – Чей-то мусор.

– Нас должно быть трое. – Даниил присел в углу на кровать, которую он все-таки выбрал для себя, пока прощался с мамой, и прижал ладони к коленям. – Завтра в полдень надо будет прийти в центральный корпус, где первокурсников...

– Трое? – только сейчас удивился Артур, перебив соседа. Он затолкал чужие пакеты под стол, ближе к мусорному ведру. – Не выдумывай. Мы и вдвоем тут едва поместимся.

– Я не выдумываю.

– Кровать оставили здесь по ошибке.

– Вынужден не согласиться. Судя по всему...

Дверь стремительно распахнулась, как будто кто-то оттолкнул ее ногой. Даниил подпрыгнул от неожиданности, а Артур обернулся, отчасти преградив путь падающему из окна свету, от чего в комнате стало еще темнее.

Константин Ромал пересек порог, сжимая в обеих руках пакеты, набитые всем, что он успел вынести из дома. Заметив пристальные взгляды соседей, он остановился и безразлично повел плечами:

² *Kingisepn* – город в России, административный центр Кингисеппского района Ленинградской области и муниципального образования Кингисеппское городское поселение. Основан новгородским боярином Иваном Федоровичем как крепость Ям в 1384 году.

– Чего уставились?

Артур удивленно вскинул брови. Новенький сосед показался ему довольно самонадеянным, раз решился задавать вопросы таким тоном. Однако ни Артур, ни Даниил не стали ему отвечать. У Константина были прямые аспидно-черные волосы до плеч, его кожа в такой темноте казалась бронзовой, а подбородок покрывала легкая щетина.

Он прошел в комнату и бросил пакеты на стол, едва не повалив древнюю лампу. Потом осмотрелся и нахмурился:

– Мои вещи. – Взгляд похожих на черные блюдца глаз метнулся к Артуру.

– Какие еще вещи? Ты про этот мусор?

Константин хмыкнул. Он посмотрел в зеленые глаза Артура, гадая, специально тот нарывется или у него проблемы с инстинктом самосохранения?

– Верни на место, – без особого энтузиазма отрезал Ромал.

– Будь попроще, парень.

– Я – сама простота.

– Мне показалось, койка свободна.

– Тебе показалось.

– Может, сбавишь обороты?

Артур ступил вперед, недовольно сведя брови, а Константин прыснул со смеху. Потом подошел ближе и так посмотрел, что в комнате воцарилась тишина. В расслабленной позе парня сквозило столько агрессии, сколько и близко не было в напряженно стиснутых челюстях Артура.

– Еще раз прикоснешься к моим вещам, руку сломаю. – Он произнес угрозу, не убирая с лица холодной ухмылки, и Артур сразу понял, что шутки с новым знакомым плохи.

С разбитой губой и шрамом над правой бровью тот выглядел довольно опасным. Артур хотел было ответить, но потом отшагнул назад. Он уехал из дома не для того, чтобы напроситься на неприятности в первый день самостоятельной жизни. В первый час. Обычно такое самообладание ему не давалось, но сейчас он умудрился успокоиться и наконец съязвил:

– Мы отлично поладим.

Константин равнодушно отвернулся и сбросил с плеч дырявую джинсовую куртку.

– Сомневаюсь.

Даниил нервно постукивал пальцами по коленям, наблюдая, как мрачный и уже уставший от разговоров темноволосый парень высыпает вещи из пакетов на кровать и распихивает их по полкам одного из шкафов. Двигался он непринужденно. Возможно, в его планы не входило знакомиться с соседями, но Даниила это не устраивало. Разве разумно враждовать с тем, с кем ты живешь?

– Так, – Даниил резко подорвался с постели и стрелой подлетел к новому соседу, вытянув перед собой руку: – Меня зовут Даниил Сергеевич Волков. Я буду учиться здесь, в Санкт-Петербургском университете, и я – твой сосед по комнате.

Костя обернулся и лениво посмотрел на парня, на его ладонь. На его подрагивающие губы. Константину показалось, что это нервный тик, хотя прежде он не встречал людей с похожим недугом. Возможно, парень боялся или смущался, но глаза его смотрели ясно и сосредоточенно, что заставило Константина примирительно кивнуть.

– Константин Алейо³ Ромал. – Он пожал протянутую руку.

– Приятно познакомиться, Константин.

– Взаимно, Даниил.

– А я Артур.

Даниил наклонил голову и совершенно серьезно отрезал:

³ Алейо – с цыганского «защитник».

– Я помню, как тебя зовут.

– Да я не тебе, – отмахнулся блондин и закатил глаза. Ему вдруг показалось, что он разговаривает на мертвом языке. – Зачем мне второй раз тебе имя свое называть?

– Возможно, ты решил, что я его уже забыл.

– Я так не решил.

– Это хорошо, потому что я помню, что ты – Артур Попов, как и Александр Попов.

Сплетя руки на груди, Артур принялся с интересом изучать лицо Даниила Волкова. Все происходящее было довольно странным. Чемоданы Арта до сих пор валялись в центре комнаты, но он не спешил их разбирать. Куда больше его занимали новые соседи.

Раньше ему не составляло труда найти общий язык со сверстниками. Хотя у этого, возможно, были причины. Именно те причины, из-за которых Арт ушел из дома.

– Судя по всему, сейчас самое время удалиться, – глядя в пол, проговорил Даниил, – мне кажется, мое присутствие может помешать вашему общению. А еще я чувствую, что у вас зреет конфликт, разрешение которого мне не под силу. – Он потер руки о бедра. – Мы слишком мало знаем друг друга, чтобы я давал вам советы. Артур, Константин, – он робко кивнул, – до встречи. – А потом покинул комнату, не сказав больше ни слова.

Артур так и уставился ему вслед, а Костя отвернулся и продолжил доставать из пакетов мятые футболки и рубашки. Он запихивал майки на самую верхнюю полку, когда Артур развел руками и воскликнул:

– Ну и странный он!

Константин со вздохом обернулся. Отвечать не хотелось, но он почему-то сказал:

– Не странный.

– Смеешься? – Арт покачал головой. – Я никогда таких не видел. Забавный парень.

– Он болеет, наверное.

Константин закрыл дверцы шкафа и забросил пакеты под кровать. Присел на корточки и с трудом дотянулся до рюкзака, припрятанного за деревянным изголовьем кровати, пока Артур недоуменно смотрел на него, прищурив зеленые глаза.

– В смысле – «болеет»?

– В прямом смысле.

– Я бы не...

– Просто занимайся своими делами, ладно? – Ромал достал из рюкзака телефон и посмотрел на блондина, мечтая, чтобы тот прислушался к его просьбе. От болтовни этого златовласого неженки у него разболелась голова. – У Даниила синдром Аспергера, или я ошибаюсь – не знаю. Но лучше просто помалкивай, уяснил?

– Что за синдром Аспергера?

– Опасная такая штука, передается воздушно-капельным путем. Смотри не заразись.

Артур нахмурился, а Костя усмехнулся и выпрямился, спрятав телефон в задний карман джинсов. Кулаки Артура зачесались, но он стиснул зубы и глубоко втянул в легкие воздух.

– Верно, Арториус. – Константин ударил его по лопатке и, шаркая, побрел к выходу. – Помалкивай.

Он захлопнул дверь, а Арт сжал пальцами переносицу и сердито плюхнулся на свободную кровать, которая располагалась в самом паршивом месте: по центру комнаты.

Над кроватью Константина было окно, кровать Даниила упиралась в стену, койка Артура стояла между ними в самом проходе, ничем не прикрытая, и парень вдруг занялся самобичеванием. Возможно, нужно было приехать еще раньше.

Артур с неохотой выпрямился, достал ноутбук и оперся спиной об изголовье койки. Он открыл «Skype» и быстрым движением пригладил взъерошенные волосы. Матери бы не понравилось, как он выглядел. Возможно, стоило переодеться, прежде чем связываться с родите-

лями, но шевелиться не хотелось, как и признавать свое поражение. К тому же матери не понравится все, что бы ни происходило сейчас в его жизни.

Арт с хрипотцой откашлялся, расправил плечи и в очередной раз поправил волосы.

– Прихорашиваешься?

Артур опустил руку, а темноволосая девушка на экране ноутбука рассмеялась и тут же закатила глаза:

– Ты ведь не для своих соседей стараешься?

– Алина, чепуху не неси.

– Как же быстро мне удалось задеть твои чувства! Слушай, опусти камеру чуть ниже, а то мама увидит ободранные обои, и ее хватит приступ.

Артур послушно скатился по изголовью и пробурчал:

– Где родители?

– Поднимаются. Мама весь день ждет твоего звонка. – Алина оперлась подбородком о руку и со скучающим видом поглядела на улицу. Из окна на ее лицо лилось яркое солнце, от чего выглядела она такой же бледной, как Носферату из фильма ужасов Мурнау⁴. – Я так и знала, что твой отъезд сведет ее с ума.

– Она привыкнет.

– Уехал ты, а расхлебывать мне.

– Я переехал в центр города, а не на другую планету.

– А теперь попробуй объяснить это маме.

Сестра Алина была младше Артура на год и три месяца. У нее были прекраснейшие, выразительные шоколадные глаза, из-за которых Арту приходилось драться со многими ее «нежелательными ухажерами», как называла их мама. Но об этих драках Алине никто не рассказывал. Несмотря на заметные различия в характерах, Арт и Алина всегда ладили друг с другом, а повзрослев, и вовсе стали лучшими друзьями. Семья Селиверстовых имела все, о чем мечтают обычные люди, и в результате в жизни Артура наблюдалось катастрофическое отсутствие тех, кто общался бы с ним ради него самого, а не ради выгоды.

Пока Артур Селиверстов притворялся тем, кем не является, а Даниил Волков едва слышно подсчитывал шаги, сделанные от одного конца коридора до другого, Константин Ромал вытряхивал мелочь из карманов, злясь на свой телефон, который разряжался со скоростью света в самый неподходящий момент. Парень забросил рубли и десятки в монетоприемник и уперся лбом в холодную металлическую коробку таксофона. Он зажмурился, прокручивая в голове список дел, как вдруг из трубки раздалось:

– Да.

Константин дернул уголками губ, что выглядело почти как улыбка, но глаз не открыл.

– Мам?

– Костя, – женщина на какое-то время замолчала. Потом спросила: – Ты в порядке?

– Все нормально.

– Мишто⁵. Я рада, что ты добрался без происшествий.

– Мама, я хотел перед тобой...

– Как твои соседи? – Безразличием в ее голосе можно было заморозить весь Питер.

– Обычные соседи, ты скажи, ты помнишь, о чем мы договаривались? – Константин сжал в пальцах телефон и непроизвольно стиснул зубы. – Помнишь, что я тебе сказал?

– Не надо меня защищать.

– Что я сказал?

⁴ Фридрих Вильгельм Мурнау – немецкий кинорежиссер. В 1921 году он снял классический немой фильм ужасов «Носферату. Симфония ужаса», который вышел на экраны в 1922 году.

⁵ Мишто – с цыганского «очень хорошо».

Женщина недовольно вздохнула, но все же ответила:

– Звонить тебе.

– Когда звонить?

– Судя по твоим наставлениям, каждые полчаса.

– Мама.

– Звонить тебе, если отец будет не в настроении.

– И я вернусь, – угрожающе процедил парень.

– Не вернешься. – Анна Ромал говорила совершенно спокойно, а грудь Кости так и пылала пожаром. – Ты сделал выбор, чяво⁶, тэ дэл о Дэвэл э бахт лачи.⁷

Константин собирался с духом. Губа зудела, под футболкой горели синяки. Всего-то два, но достаточно большие. Юноша встряхнул головой и прижался лбом к аппарату.

– Учеба у меня в первой половине дня. Я подыщу работу, а на выходные постараюсь приезжать к вам. Хотя бы раз в месяц. Он привел кухню в порядок?

– От нее мало что осталось после вашего разговора. – Костя крепче стиснул кулаки. Он хотел ответить, но мать его опередила: – Я должна идти, моя смена не кончилась. Тебе не нужны деньги?

– Нет, у меня...

– Мишто. Мне пора.

Послышались глухие гудки. Константин распахнул глаза и в растерянности уставился на телефон: мать бросила трубку. Он зажмурился, почувствовал, как пожар охватывает легкие, и со всей силы ударил по автомату кулаком.

Людская жизнь состоит из череды перекрестков. Человеку приходится делать выбор, и Константин выбрал свое будущее. Был ли он прав? Покажут ночи. Бессонными они будут или спокойными, зависит от его совести.

⁶ Чяво – с цыганского «сын».

⁷ Тэ дэл о Дэвэл э бахт лачи – с цыганского «да благословит тебя Бог».

Глава вторая

Дуэль

Константину казалось, что никогда прежде он не жил в такой просторной комнате. Дома у него была сушая каморка, в которой едва умещались кровать и стол. В нынешней комнате был лишь один недостаток, и – нет, он заключался не в жестком матрасе.

Артур Селиверстов, казалось, ни черта не умел: ни подниматься со звонком будильника, ни складывать свои вещи, ни запирать на ключ дверь или выключать свет, прежде чем уйти.

У него не получалось ничего, кроме как действовать Косте на нервы. Уже на пятый день учебы выяснилось, что Арт никогда не моет за собой чашки. Еще ребята узнали, что он никогда прежде не сталкивался с такой штукой, как готовка. Еда у него вечно безбожно воняла, а на кастрюлях оставалась подгоревшая корка. Чем он питался и как выживал? На этот вопрос ответа, кажется, не существовало. Единственное, что Костя и Даниил точно знали: Артур громко храпит. Иногда Константину хотелось придушить блондинчика подушкой.

Начало новой недели не предвещало ничего хорошего. Арт проснулся после шестого звонка будильника, тем самым разбудив Даниила, которому в этот день поставили пары ближе к полудню, и резко подорвался на ноги. Он вновь опаздывал. Кровать Кости была так идеально застелена, что Артур фыркнул, а потом нацепил первое, что попало в поле зрения, и стрелой вылетел из комнаты. Тут же вернулся за рюкзаком и опять убежал. А потом вновь вернулся, потому что забыл сотовый телефон и ключи. Когда парень забежал в спортивный зал, переодетый в белоснежную форму для фехтования, держа под мышкой защитную маску, студенты уже размахивали рапирами и наносили друг другу удары.

– Попов! – крикнул тренер, и Арт удрученно поджал губы. Кто мог подумать, что учеба в университете – это так сложно. – Ты опоздал.

– Я задержался.

– Задержался?

Тренер остановился напротив Артура, сцепив перед собой руки. На вид ему не было и сорока. Глаза – темно-синие, глубоко посаженные. Ни одной морщины около губ. Старила его разве что лысина, которая ярко переливалась в лучах солнца, рвущегося из гигантских витражных окон. Якунин Александр Андреевич ждал ответа, и тогда Артур сказал:

– Я должен был помочь.

– И кому же?

– Одной женщине. Очень... старой.

– Старой? – Якунин наклонился вперед. – И как – помог?

– Разумеется.

– Она тебя поблагодарила?

– За такое не нужны никакие благодарности, – парень натянул перчатки и кивнул так серьезно, будто они обсуждали будущее человечества.

– Я должен в это поверить?

– Было бы... чудесно.

– Чудеса оставь своей мамочке, Попов. Еще раз опоздаешь на мое занятие, можешь не приходить вовсе. Ты меня услышал? – Артур с неохотой кивнул. – Услышал?

– Да, тренер.

– Вот и отлично. У тебя проблемы только с фантазией или с фехтованием тоже?

Артур высокомерно вздернул подбородок, впервые за все время нахождения в этом идиотском университете сказав истинную правду:

– Я был лучшим в своей школе.

– Лучше всех писал сочинения по литературе?
– Лучше всех фехтовал, тренер, – возразил Артур.
– Давай посмотрим, – залиvisto рассмеялся тренер и подозвал одного из студентов, отсиживающегося на скамье без дела. Потом вновь перевел взгляд на Артура: – Сколько уже фехтуешь?

- С двенадцати лет.
- Соревнования?
- На уровне школ.
- Медали?
- Есть парочка.
- Ну взглянем на тебя.

Артур кивнул и натянул маску. Проверил, чтобы горло было прикрыто. Сжимать в руке рапиру было так приятно, что он невольно улыбнулся. Оценил взглядом своего соперника и встал в стойку. Одно из самых приятных воспоминаний о прошлой жизни заключалось именно в этих шести, а может, семи секундах перед началом атаки. Под толстой маской он не был сыном богатейшего человека Питера, не был «Поповым», притворяющимся тем, кем он едва ли являлся. Он был парнем, который любил стук встретившихся рапир и закрывал глаза, когда судья поднимал его руку, а трибуны взрывались аплодисментами.

Мгновение. Стук. Удар.

Артур распахнул глаза и увидел, что рапира противника упирается ему в грудь.

– Не спи, Попов! – проворчал Якунин. – Заново.

Арт нагнулся, облизав губы. Тренер взмахнул рукой, и парень едва шагнул вперед, когда его противник вдруг вновь оказался рядом, и, не успев отразить его удары, Артур в очередной раз проиграл. Неприятное чувство разлилось внутри. Парень прищурился и наклонил голову, совершенно не понимая, что происходит.

– Ты что там? – Тренер взмахнул руками. – Воробн считаешь?

– Я не... – Блондин раздраженно выругался. – Еще раз!

На этот раз поединок длился дольше. Артур свирепо наступал на соперника и нанес ему удар в плечо. Чеширская улыбка растянулась на лице парня, но внезапно прямо перед ним, словно из-под земли, вырос тренер и спросил низким голосом:

– Что это было?

– В смысле? – Артур приподнял маску. – Я выиграл.

– Выиграл? Ты на рапирах дерешься – не на саблях или же шпагах. Зона поражения – туловище, область, прикрытая курткой. Ты сыграл в нейтральную, и баллы бы тебе никто не засчитал. В школе у вас слабый уровень был, раз тебя считали лучшим, Попов.

Если бы земля под ногами могла проваливаться, она непременно провалилась бы. Взгляд Артура словно затянуло блеклой пеленой, и он видел, как двигались губы Якунина, но не слышал ни слова. В недоумении сжимая рукоять рапиры, он думал: «*Что, твою мать, происходит?*» Прокручивал и прокручивал этот вопрос в своей голове, но не мог, как ни пытался, отыскать нужный вариант ответа.

– Талант у тебя есть, – где-то на заднем плане распинался тренер, – заниматься нужно дольше, а усилий прилагать больше. И только тогда...

Артур нахмурился. Фехтование всегда доставляло ему удовольствие и казалось незатейливым и развлекательным видом спорта. Родители считали, что у него дар. В школе его называли малолетним гением. Но в университете его положил на лопатки первый попавшийся студент. Сказать, что парень чувствовал себя неважно, – это как ничего не сказать. Сбитый с толку, он кивал тренеру, а потом ушел в раздевалку, тихо бормоча себе под нос «*твою мать, твою мать*». Выбрался из скорлупы? Хотел ощутить всю гамму человеческой многогранности и прелесть естественного отбора?

Поздравляем, Артур. Теперь ты официально спущен с небес на землю.

Совершенно противоположные мысли занимали Константина, когда он покидал светлую, просторную аудиторию Славина по уголовному праву. «*Dura lex sed lex*»⁸. Так преподаватель начал свою лекцию, и Ромал принялся записывать за ним каждое слово.

Сейчас он спускался по ступеням на улицу, чувствуя себя мелким муравьем в сравнении с внушительным юридическим корпусом университета. Этот корпус не был самым красивым, но Косте он виделся Олимпом, Эверестом. Парень даже представить раньше не мог, что когда-то станет студентом юридического факультета. Но уже сегодня он покидал здание вместе с остальными ребятами. Как везучий и проворный парень из пригорода Питера, заслуживший место среди счастливицков.

Костя шел по улице, щурясь от солнца и разглядывая величественные здания, как вдруг заметил на перекрестке *девушку*. Если кто-то и разгадал тайную арифметику положительных и отрицательных зарядов, которым всего-то и нужно, что столкнуться в определенное время в определенном месте, он ничего об этом миру не поведал. Люди так и не поняли, что именно привлекает их друг в друге, и многие так и живут вместе, не имея на руках выигранных козырей. Возможно, дело в том, что у девушки были длинные ноги, или красивые губы, или изящные формы.

– Почему ты так на нее смотришь? – спросил внезапно знакомый голос, и Костя еле слышно выругался. Он резко обернулся, а Даниил невинно пожал плечами: – Я увидел, что ты застыл, и решил задать тебе этот вопрос, но, если ты не считаешь нужным отвечать, я не сочту это за грубость.

Ромал усмехнулся и продолжил идти вперед, слыша, как Даня семенит следом.

– Я задумался.

– У нее правильные пропорции лица.

– Я как-то не обратил внимания.

– Ее зовут Елизавета Ланжерон. Она посещает со мной лекции по вычислительной математике и сидит на четвертом ряду вместе с брюнеткой, волосы которой подстрижены под боб. От правого уха до виска у нее татуировка в виде китайского дракона.

– У Лизы?

– У ее подруги, волосы которой подстрижены под боб.

Константин немного помолчал, а затем сказал:

– Мне без разницы.

– Твое поведение говорит об обратном, но я не отрицаю ту часть личности, которая предпочитает скрывать от окружающих истинные желания.

Даниил кивнул сам себе, а Ромал хмыкнул и поправил ремень рюкзака. Проходя мимо Елизаветы, он вновь взглянул на нее, но потом отвернулся. Красивая, улыбающаяся и наверняка из богатой семьи. Константин потер пальцами подбородок. Мать всегда говорила, мол, он заглядывался на то, что никогда не будет ему принадлежать, но у Ромала на этот счет была своя философия, которая и позволила уличному парню найти в себе мужество пойти против семьи и традиций и поступить в один из самых престижных университетов страны. Константин точно знал: «Если захочешь – получишь».

– Откуда ты родом? – вдруг спросил он у Даниила.

Тот воодушевленно расправил плечи, обрадовавшись, что сосед нарушил молчание и пошел на контакт. Даниилу нужно было, чтобы с ним шли на контакт. Он прижал руки к бедрам и ровным голосом отпартовал:

– Я родом из Кингисеппа, он расположен в ста тридцати километрах от Питера. Мою мать зовут Ирина Волкова, она – вдова, и ей сорок два года. Мой отец скончался от рака лег-

⁸ *Dura lex sed lex* – с латинского «Закон суров, но это закон».

ких шесть лет назад, его звали Сергеем Волковым. *Шестьдесят* процентов больных погибает при диагностировании данного онкологического заболевания, *сорок* процентов выживает. Мой отец не относился к сорока процентам. Большие цифры. Маленькие шансы.

Костя, нахмурившись, посмотрел на парня и покачал головой:

– Паршиво, мне жаль.

– Почему тебе жаль? Ты его не знал.

– Я знаю тебя.

– Верно. – Даня почему-то улыбнулся.

– Ты поступил на математический?

– На бакалавриат компьютерных наук. Собираюсь специализироваться в области информационной безопасности. Программная инженерия интересует меня во вторую очередь. Исходя из тех данных, что у меня есть, я могу сделать вывод, что ты – будущий бакалавр права. Довольно интересный выбор специальности для человека с разбитой губой, и я связал специальность и разбитую губу только потому, что обычно люди, которые не находят справедливости в жизни, ищут ее в статьях закона. Ты вполне можешь пресечь мои догадки, сказав...

– Эй, – Константин выгнул дугой бровь и покосился на юношу, – ты внимательный.

– Вынужден отметить, что это не всем нравится.

– Все могут ошибаться.

– С рациональной точки зрения это неисполнимо.

Константин покачал головой, растянув губы в ленивой ухмылке, и осмотрелся.

Они с Даниилом учились в разных корпусах, но дорога к их общежитию сливалась в одну широкую улицу. От универа до общаги можно было добраться минут за тридцать, и не было ничего более классного, чем брести по мощеной дороге, не задумываясь о том, что поджидает тебя за порогом родного дома. Костя действительно чувствовал себя лучше и спокойнее, живет. Его прошлое пусть и маячило за спиной, но больше не преграждало путь вперед. В крошечной камерке на шестом этаже у него было больше будущего, чем в доме с родными людьми. Единственной ложкой дегтя являлось отсутствие денег. Ромал хотел устроиться официантом в студенческое кафе и даже распланировал рабочий график так, чтобы успевать на пары и не забивать на домашнее задание. Но в кафе ему отказали.

Честно говоря, у Константина Ромала был один недостаток, и, кажется, администраторы кафе пронюхали об этом недостатке. Детство у Кости было тяжелое, ему не раз приходилось держать ответ перед правоохранительными органами, которых мало волновали успехи в школе. Они видели лишь отбившегося от рук мальчишку из неблагополучной семьи и потому разукрашивали его личное дело новыми эпитетами, которые обычно отпугивают работодателей.

– Завтра мне нужно сходить в библиотеку, – глядя перед собой, сообщил Даниил. Легкий ветер играл с его темно-русыми, почти шоколадными волосами. – Да, возможно, я лезу не в свое дело, но мне думается, что ты еще не забрал полный комплект книг, и тогда было бы разумно...

– Почему бы и нет, – перебил парня Костя и небрежно кивнул, – пойдем вместе.

– Ты не против?

– У меня пары до вечера. Часов до шести. Дождешься?

– Разумеется, – совершенно серьезно ответил Даня. Он потянул на себя массивную металлическую дверь общежития и пропустил Ромала вперед, потом поспешно засеменил рядом. – Я буду ждать так долго, как потребуется. Для меня это не проблема. Если я дал слово, я его сдержу.

Оказавшись на нужном этаже, ребята заметили, что самая дальняя дверь – дверь их комнаты – настежь раскрыта. Ромал помрачнел. Черт возьми, если бы ему платили за стычки с Артуром-неженкой Поповым, он бы разбогател и без работы. Константин предпочитал игнорировать блондинчика, но иногда игнорировать не получалось. На днях Артур заявил, что

не собирается оплачивать Интернет, ведь в брошюре сказано, что бытовые услуги студентам предоставляются бесплатно. Еще он несколько дней подряд названивал охраннику, чтобы узнать, когда заберут грязные вещи. В понедельник его не устраивала вода в душе, во вторник раздражал шум из соседних комнат, в среду показалось, что шторы слишком плотные. В четверг Константин пообещал, что сломает ему нос, если он скажет еще хотя бы слово.

Угроза подействовала ровно до субботы, когда оказалось, что в комнате бессовестно мало розеток, и Артур не может заряжать телефон, ноутбук и планшет одновременно.

Костя оттолкнул дверь и тут же остановился, увидев, как Артур нервно размахивает металлической рапирой. Его лицо блестело от пота, щеки горели как два помидора. Блондин полоснул кончиком оружия невинную стену, которая, как, впрочем, и предполагалось, ничем ему не ответила, а потом стремительно обернулся и отскочил.

– Черт, – потерянно проговорил он, – я вас не заметил.

– Демонстрируешь навыки соседям? – поинтересовался Константин.

– Делать мне больше нечего.

– Тогда почему дверь открыта?

– Потому что здесь дышать нечем. Я и окно открыл.

Ромал перевел взгляд на свою кровать. Одеядло было смято, сверху валялись учебники, которые, по всей видимости, свалились с подоконника из-за сквозняка. Константин втянул воздух так глубоко, как только позволяли легкие, и медленно прошел в комнату.

Он сделал всего шаг, а потом споткнулся о сумки Попова и едва не полетел вперед, навстречу кровати и ее изголовью. На этот трюк потребовалось не более секунды. Нога заныла от боли, и Ромал уже не так дружелюбно посмотрел на Артура:

– Какого хрена твои вещи разбросаны?

– Под ноги смотри, – рыкнул Арт и отбросил рапиру в угол.

Константин замер и вскинул брови. На его губах непроизвольно возникла улыбка, которая продержалась несколько миллисекунд, а потом превратилась в недовольный оскал, из-за которого у обычных смертных скрутило бы внутренности.

– Что ты сказал? – шагнув вперед, переспросил он.

– Тон его голоса и мне показался странным, – внезапно вмешался Даниил и тут же оказался между двумя парнями, – но с точки зрения логики его ответ вполне приемлемый.

– Услышал, Мэри Поппинс? Мой ответ вполне приемлемый.

– Он – не Мэри Поппинс. Почему ты назвал его Мэри Поппинс?

– Потому что нашему нежному Артуру с детства сиделки зад подтирали, Даниил, и сейчас он даже свое дерьмо от подгоревшей лапши отличить не может.

– Ты зарываешься, Ромал.

– Это ты зарываешься, мальчик. – Константин ступил вперед, убрав Даниила с пути, и оказался с блондином лицом к лицу. – Позвонишь папочке?

– Что ты несешь?

– Ты ведь Селиверстов, сын местного миллионера. Логотип его конторы приклеен ко всем твоим вещам, гений: рубашкам, ботинкам, чемоданам. Может, и к туалетной бумаге?

– Я не в настроении выяснять отношения, – процедил Артур, сжав кулаки.

Скрипнули плотные кожаные перчатки для фехтования.

– И я не в настроении. Хочешь узнать – почему?

– Нет.

– Я все равно скажу. – Костя расправил плечи и вновь изобразил усмешку. – Дело в тебе.

– Как паразитально я на тебя влияю. Влюбился, что ли?

Уже в следующую секунду Ромал схватил Артура за ворот рубашки, а Даня резко подпрыгнул и испуганно затараторил:

– Происходящее сейчас абсолютно иррационально! Константин не мог влюбиться в тебя, его тянет к противоположному полу, как и восемьдесят шесть процентов мужчин на этой планете. Возможно, Артур пытался пошутить, что крайне странно при сложившихся обстоятельствах. Но, если все же пытался, я выступаю за погашение конфликта.

– Убери руки, – прохрипел Селиверстов, прожигая Константина ядовитым взглядом.

– Я тебе язык вырву.

– Не надо! – в ужасе воскликнул Даниил и схватился руками за лицо. – Вряд ли это законно. И наверняка Артур умрет от потери крови. К тому же это не так просто.

– Даниил.

– Да?

Константин посмотрел на перепуганного соседа и процедил:

– Сейчас помолчи.

– Ладно.

Даниил Волков послушно уселся на кровать, сжав в пальцах колени, а Ромал вновь повернулся к блондину и резко дернул на себя ворот его фланелевой рубашки.

– У меня нет на тебя времени.

– Мне сломать тебе руки?

– Как ты сделаешь это с раскрошенным позвоночником?

Глаза Даниила заматались по сторонам, и он начал робко постукивать ногой по полу, изо всех сил стараясь не слушать, о чем говорили его соседи. Поразительно, как много гадоостей могут сказать друг другу малознакомые люди. Даниил Волков знал, что Артур не ведет себя как избалованный мальчишка, когда они остаются вдвоем, он знал, что Константин – не сорвавшийся с цепи пес, каким его представлял себе Артур. У этих двоих определенно было множество недостатков, но они скорее делали их похожими, чем разными.

Оба – непроходимые упрямцы и эгоисты, зазнавшиеся и удрученные каждый своими причинами, но, что удивительно, добрые. Доброта – редкий дар, как сказала бы мама, но чем старше Даниил становился, тем отчетливее понимал: в доброте столько же хорошего, сколько и плохого.

Константин рывком оттолкнул Артура и с издевкой улыбнулся.

– Давай. – Он поманил Арта к себе. – Что ты мне сделаешь?

– Я не хочу с тобой драться.

– Я бы тоже не хотел со мной драться.

– Ты переходишь все границы, Ромал.

– Дэвлалэ⁹, сделай хоть что-нибудь! Жалкое зрелище. Ты болтаешь, как девчонка. От тебя несет, как от девчонки. Может, позвонишь своему дружку, чтобы он разобрался?

Неожиданно в изумрудных глазах Арта сверкнуло безумие. Тело полоснула волна ненависти и усталости, тяжелого отчаяния, от которого хотелось спрятаться, отгородиться стеной. Он до сих пор злился на себя за то, что проиграл бои на тренировке. Ему надоело ютиться в уродливой комнате, готовить еду, считать деньги и делать вид, что о другой, более легкой жизни он ничего не слыхивал. Бурный поток чувств внезапно прорвал плотину терпения, Арт стянул с правой руки перчатку и кинул ее под ноги Константину.

Тот нахмурился. Посмотрел на Артура, потом на перчатку. Потом опять на Артура и ровным голосом поинтересовался:

– И что это значит? – Тут он не сдержался и прыснул со смеху: – Ты вызов мне бросил?

– Осторожней, Ромал.

– Прицел у тебя убогий, неженка.

– Я выбивал дерьмо из парней и похуже.

⁹ Дэвлалэ – с цыганского «Господи».

– Сомневаюсь, что можно выбить из человека дерьмо, – подметил Даниил, а затем опустил взгляд на свои колени и замолчал.

Похоже, соседям не нравились его реплики.

Артур переступил с ноги на ногу, пытаясь придумать действенный способ, который заставил бы Константина Ромала отвалить раз и навсегда, и рявкнул:

– Не здесь. Драки в общежитии запрещены.

– Это не драка. У нас дуэль.

– Заткнись.

– Идем. – Ромал лениво побрел к двери. – Не хочу пачкать кровью пол.

У Даниила перехватило дыхание. Он проводил взглядом покинувших комнату соседей и вскочил. Неужели эти двое намерены драться? А по какой причине? Лишь из-за того, что у обоих плохое настроение?

Даниилу Волкову не нравилось, когда последствия не соответствовали уровню проблемы. В каждом поступке должна присутствовать логика, иначе человека уже нельзя назвать человеком. Даня не видел причин для серьезного конфликта. Привыкание – процесс достаточно многогранный, и не каждый способен принять жизнь такой, какая та на данный момент есть. Константину и Артуру стоило лишь дать друг другу больше времени, и тогда Даниилу не пришлось бы, как сейчас, нестись за ними стрелой по коридору, судорожно сжимая в кулаке ключи от комнаты.

– Абсолютная бессмыслица, – бормотал он себе под нос, – неразумно и глупо.

Как и принято у особой мужского пола, ни Костя, ни Артур страха не показывали, не дрожали от ужаса, хотя, конечно, волновались. Никому из них не хотелось вылететь из университета. Собственно, поэтому они и продолжали идти, пройдя и парк, и студенческую улицу, оставив позади и общежитие, и десятки потенциальных свидетелей, с которыми они могли бы пересечься на лекциях или в коридорах.

Костя и Артур остановились в тупичке, который с четырех сторон огораживали кирпичные невысокие здания. Ветер гнал по выщербленному асфальту мусор и пыль, из арки доносясь шум проезжающих машин. На крышах сидели вороны, будто дневные сторожа, и, как только парни замерли, они закричали и вспорхнули в небо.

– Отлично, – пробубнил себе под нос Артур, – просто помойка.

Костя обернулся, сведя брови на переносице, будто ему совсем не понравилось, что Селиверстов нарушил тишину, и ленивым движением сбросил с плеч джинсовку.

– Давай я... – предложил было Даниил, но Ромал бросил куртку на асфальт.

– Без слов сразу к делу, – усмехнулся Арт, покрутив головой, чтобы размять шею, – как интригует. Только не забудь, Ромал, ты сам напорился.

– Болтаешь много.

– Пытаюсь тебя вразумить.

– Твои колени говорят об обратном.

– Еще одно такое утверждение – и твои колени я переломлю.

– Возможно. Если, конечно, закроешь рот и сдвинешься с места, в чем я сомневаюсь.

– Какого хрена ты нарываешься? – разозлился Артур и шагнул вперед. – В чем твоя проблема? Тебя давно не ставили на место?

Ромал холодно усмехнулся. Только одному человеку удалось поднять на него руку и выйти сухим из воды. Обычно никто не бросал ему вызов, никто не нарывался на неприятности. У людей срабатывал инстинкт самосохранения, который *почему-то* отсутствовал у Артура – сына питерского миллионера.

– Люди всегда делали то, что ты хотел? – наклонив голову, спросил Костя и ленивой походкой побрел к блондину. – Они всегда тебя слушали? Всегда затыкались, когда у тебя случалось плохое настроение?

– Что ты...

– Они лизали тебе зад, подчищали за тобой дерьмо?

– Люди получали по заслугам, – прорычал Артур, шагнув вперед, – когда делали то, что мне не нравилось. В отличие от тебя, я вырос не на улице, и я – не урод с помойки.

– Да, это видно. Ты у нас знаток высокого стиля. Примите мои извинения, – Костя театрально поклонился, прижав кулак к груди, – я чуть было не забыл, кто передо мной. Ты ведь милостиво осчастливил нас своим присутствием.

– Я предлагаю тебе свалить обратно в свою конуру. – Арт и Костя стояли друг напротив друга. – Где тебе самое место.

– Знаешь, где мое место?

– Посмотри на себя. Твое место определили задолго до твоего рождения. Помойная шавка. Может, погадаешь мне по руке? Или мне просто сразу высыпать тебе всю мелочь?

Артур ядовито ухмыльнулся. От вида этой ухмылки у Кости на миг потемнело в глазах, он подался вперед и врезал кулаком в нос блондина. Тот отпрянул, схватился руками за лицо и зарычал от боли. Потом выпрямился и с прищуром посмотрел на Ромала. По губам и подбородку текла кровь.

– Вот же... – Арт внезапно расхохотался. – Вот же сукин сын!

Артур кинулся вперед, словно американский регбист, и повалил Костю на асфальт, а у Дани округлились глаза. Все происходящее казалось ему абсолютно иррациональным, он в жизни не видел ничего подобного! Неужели разумно разрешать конфликт, устраивая еще больший конфликт? Какой прок от драки? Где логика?

Внезапно зазвонил телефон Даниила, и парень подпрыгнул от неожиданности. На дисплее высветилась фотография матери, и Даня порывисто отвернулся от ребят.

– Если я не возьму трубку, она решит, что произошло что-то плохое, – пробормотал он себе под нос, – позвонит еще раз, но мне вновь придется не ответить, и тогда ей хватит двух с половиной часов, чтобы добраться до общежития, где она обнаружит моих соседей с ушибами и, возможно, переломами. Она обратится на факультет с требованием, чтобы меня переселили в другую комнату, а Артур и Костя получают выговор.

Послышалось громкое рычание Ромала, и Даня испуганно зажмурился.

– Но если я возьму трубку, мама услышит в моем голосе волнение и поймет, что я что-то недоговариваю. Ей хватит двух с половиной часов, чтобы добраться до общежития, а дальше сценарий прежний. Какой же выход?

Даниил нервно переминался с ноги на ногу, судорожно соображая, как поступить. На его плечи давила тяжелейшая ноша, потому что он не хотел подставлять друзей. Ведь именно друзьями для него стали Костя и Артур? Ведь так?

– Соврать. – Даниил решительно кивнул. – Моя мама не должна ничего заподозрить, и единственный способ убедить ее – хорошо сыграть ложь.

Даня провел пальцем по экрану, зажал свободной рукой левое ухо, чтобы не слушать рычания и ругательства соседей по комнате, и отбежал на пару шагов.

– Да?

– Даня! – воскликнула Ирина Волкова. – Почему ты так долго не брал трубку?

– Я не слышал.

– И чем ты занимался?

– Я... – Константин рывком швырнул Артура на землю, из-за чего по переулку разнесся оглушительный хлопок. – Я гулял.

– Ты на улице?

– Верно.

– И с кем гуляешь?

– Со своими соседями. Они... они занимательно проводят время.

- О, как чудесно! Я так рада, что вы подружились, дорогой.
- Я тоже, но знаешь, сейчас я занят, и поэтому...
- Да-да, конечно. Только пообещай, что позвонишь мне, когда вернешься.
- Разумеется. Я позвоню тебе сразу же, как освобожусь.
- Договорились, милый. И держи телефон поближе.
- Хорошо, мам.

Даниил терпеливо дождался, пока мама попросается, и тут же сбросил звонок. Он вихрем обернулся и во все глаза уставился на то, как Костя и Артур в пыли и грязи катаются по асфальту. словно секундант, он наблюдал за своими соседями и понятия не имел, как разрешить их спор и чем им помочь.

– Быть может... – начал было он и замолчал, испуганно нахмутив лоб. – Быть может, вы прекратите и мы продолжим общение в другом месте?

Никто его не услышал.

Даниил в растерянности прошелся пальцами по волосам, зажмурившись от странной боли, полоснувшей внутренности. Он не любил, когда жизнь выходила из-под контроля, и ему всегда становилось чертовски не по себе, едва изменялся обычный алгоритм действий. Мозг судорожно искал ответы, извилины будто гудели, горели и пульсировали, от чего лицо Дани вспыхнуло пунцовым цветом.

– Пожалуйста, – невнятно попросил он, – это же совершенно неправильно.

На него вновь не обратили внимания, и Даниил собирался отвернуться, как вдруг по переулку пронесся *пронзительный крик*. Даня застыл. Артур и Костя перестали кататься по асфальту и одновременно подняли головы, а потом недоуменно уставились друг на друга.

– Что это было? – хрипло поинтересовался Арт.

Губа у него была разбита, из носа до сих пор текла кровь. Его лицо пылало от свежих ссадин, а к потному лбу прилипла грязь.

– Это не я, – выпалил Даня.

– Не ты?

Константин в один рывок поднялся на ноги:

– Но кто тогда?

Испуганный вопль раздался вновь и затем превратился в надрывное рыдание.

– Нет, нет, – умолял женский голос, – п-пожалуйста, не надо, не нужно...

Хромая на правую ногу, Костя с озадаченным видом сделал несколько шагов в сторону источника звука. Футболка на нем была разорвана и перестала быть белой, кожа на подбородке кровоточила: кажется, Константин, падая, врезался им в асфальт.

– Постой, – тяжело дыша, бросил Артур, – куда ты поплелся?

Ромал поспешил к аркообразному проходу, скрытому за высокими деревьями. Ноги не слушались его, да и перед глазами до сих пор кружились каменные стены переулка, но он машинально шел на женский голос. А потом замер.

За поворотом открывалась отвратительная картина. Трое мужчин окружили молодую девушку. Один из них, посмеиваясь, прижимал ее к стене, двое других рылись у нее сумке. Девушка в истерике вертела головой, а широкоплечий белобрысый хулиган с уродливым родимым пятном возле глаза скалил зубы, поглаживая свободной рукой ее щеку.

– Тише, – шептал он, – ну чего ты плачешь, киска, мы просто хотели пообщаться.

Артур затормозил рядом с Костей и сипло выдохнул разгоряченный воздух. Внутри у него все перевернулось, а кулаки вспыхнули, пусть костяшки пальцев уже были сбиты.

– Их трое, – сказал Ромал, – и нас трое.

– Нас двое, – парировал Арт.

– Так веселее.

– Я не вижу в этом ничего веселого, – едва слышно прошептал Даниил.

- На тебе девчонка и тот ублюдок, что держит ее за горло.
- На мне?
- Тише-тише, – поспешил ответить Артур и стукнул Даню по плечу. – Это он мне.
- А вы куда?
- Туда и обратно, – ответил Костя и, сплюнув кровь, шагнул вперед.

Уставшие и взъерошенные, как после удара током, Артур и Костя двинулись к арке, не представляя, чем может обернуться для них подобный героизм. Кретины, издевающиеся над мелкой девчонкой, были довольно взрослыми и мощными. Рядом с ними Арт выглядел более чем смешным, а Ромал казался беспомощным. Но остатки разума покинули обоих, пока они катались по асфальту. Осталось лишь чувство ответственности, которым, по счастливой случайности, обладал и Артур, и Константин.

– Эй, – протянул Ромал со свойственным ему небрежным видом и остановился, сунув руки в карманы джинсов, – девушку отпустите.

Мужчины одновременно обернулись, а плачущая незнакомка в изумлении округлила глаза. Она с надеждой посмотрела на парней, еще раз громко всхлипнула и затараторила:

- Помогите, пожалуйста, помогите!
- Рот закрой, – рыкнул белобрысый незнакомец и с силой оттолкнул девушку от себя.

Та врзалась в стену и съехала по ней, как тряпичная кукла. Мужчина посмотрел на неожиданных свидетелей, и его лицо исказила уродливая гримаса.

- Что ты сказал?
- Сказал отпустить девушку.
- Мы с ней давние друзья, малец.
- Она так явно не считает, – вмешался Артур.
- Вы потерялись? Валите на хрен.
- Она пойдет с нами, – отрезал Ромал и спокойно двинулся к хулиганам.

Артур последовал за ним, пусть и не понимал до конца, в чем состоял план его ненормального соседа.

- Или вы не станете вмешиваться, или нарветесь на большие неприятности.

В мирке, где вырос Костя, главным было не то, как ты выглядел и как хорошо ты дрался. Все решал характер. Неважно, каким ты был: худым, слабым, слишком мелким или неуклюжим. Ромал всегда смотрел на потенциального противника так, что тот чувствовал на своем языке привкус поражения. Некоторых это пугало. Некоторых подзадоривало.

- Что? – усмехнулся отморозок в мешковатой куртке.

Видимо, он относился к тем, у кого хватало глупости отдавать предпочтение драке. Трое абсолютно безликих, простых и тупоголовых незнакомцев выстроились в ряд, преграждая путь к девушке.

- Вы попутали?
- Попутали?
- Тебе, щенок, уши прочистить?
- Звучит довольно грубо, – подметил Арт.
- Такое случается с теми, кто пролетает с экзаменами и не поступает в институт.
- Или же кого выгоняют за драку.
- У нас была дуэль, – вежливо напомнил Константин и потер зудящий подбородок, – не путай одно с другим. Это же совершенно разные вещи.

- Но с ними будет драка, – настаивал Артур, – что скажут на кафедрах?
- У нас есть оправдание.
- Думаешь, сработает?
- Думаю, можно попробовать.

Костя сорвался с места и с размаха врезал одному из мужчин в промежность. Рыжий толстяк застонал, схватившись руками за пах, а его приятель ринулся вперед. Но Костя и его хорошенько ударил прямо по острому выпирающему кадыку.

Пока Ромал разбирался со своими противниками, Артур помахал рукой незнакомцу с родимым пятном, который издевался над девушкой, чтобы привлечь его внимание.

– Иди сюда, – пробормотал он и, обхватив мужика за шею, ударил его коленом прямо в грудную клетку. Еще раз. И еще.

Он собирался врезать незнакомцу сомкнутыми руками по спине, но тот внезапно выпрямился и со всей силы оттолкнул его от себя.

– Вот же... – Арт рухнул на землю, но почти сразу же поднялся на ноги.

Небо лихо закружилось, перед глазами замелькали черные точки, а спина заныла от боли. Надо бы выиграть хотя бы парочку минут, чтобы прийти в чувство, но...

– Малолетний ушлепок! – зарычал мужчина, и Артур сузил глаза:

– Какой еще ушлепок?

– Я шкуру с тебя сдеру, падла!

Громила ринулся вперед, будто медведь гризли, но Селиверстов ловко увернулся и через силу выбросил вперед кулак, угодив мужчине прямо по подбородку. Пальцы вспыхнули болью.

– Блин! – ругнулся Арт, прижав к себе руку, и посмотрел на незнакомца, который раскачивался на кривых ногах, словно пьяный. Как же жжет!

Метнувшись вперед, он поставил мужику подножку и сбил его на землю. Теперь можно было повести плечами и попытаться размять пальцы. И рука, и лицо по-прежнему болели. Все тело ныло от боли и пылало, как бенгальский огонь.

Арт обернулся посмотреть, как дела у Ромала, и усмехнулся. Костя справлялся отлично, как будто его совсем не заботило, что у него сразу двое противников. Он вообще выглядел в уличной драке абсолютно естественно, словно занимался этим едва ли не каждый день. Костя свалил с ног одного из отморожков, а Артур подошел к девушке и присел перед ней на корточки. Она до сих пор плакала и, дрожа от страха, прикрывала руками голову.

– Все в порядке, – успокоительно бросил ей Арт и махнул рукой Даниилу. – Мы сейчас уведем тебя отсюда, ладно? Побудь с этим парнем. Он никуда от тебя не денется.

– Я их не заметила, – прорыдала брюнетка, – как же я их не заметила?

Она расплакалась еще громче, а Артур отвернулся и замер.

Громила, которого Костя повалил на землю, медленно поднимался на ноги, вынимая из кармана что-то блестящее. Спустя миг Селиверстов понял, что незнакомец сжимает в кулаке нож.

– Костя! – крикнул Арт, но Ромал прижал к стене третьего мужчину и не обернулся, может быть просто не услышав.

Громила приближался к Константину, и Артур сделал странную вещь, не подумав о последствиях.

Он вскочил на ноги и заслонил Костю собой, выбросив перед лицом левую руку, будто это могло защитить от ножа. Клинок со свистом рассек воздух, и густые багровые капли забарабанили по грязному асфальту. Ромал наконец обернулся, громко зарычал и сильным ударом отбросил последнего противника к стене, а Артур уставился на свою ладонь и огороченно прошептал:

– Вот дела.

Кожа разошлась, словно порванная ткань. Кровь лилась так стремительно, что под ногами парня образовалась небольшая лужица. Голова закружилась, и Арт покачнулся, но Костя подхватил его за плечи.

– Ты чего, Селиверстов? – задыхаясь, спросил он. – Какого хрена ты сделал?

– Спас тебя, полагаю.

- Не надо было меня спасать. Я бы и сам справился.
- Аргур моргнул несколько раз, чтобы унять головокружение, и протянул:
- Мне так не показалось.

Глава третья

Примирение

Артуру наложили семь швов. Рукой он двигал черт-те как, пальцы толком не слушались: разжимались и сжимались с огромным трудом. На ночь ему пришлось выпить обезболивающее, потому что ладонь пульсировала и горела, словно ее жарили на вертеле. К тому же у него жутко болел нос, ныло плечо, щипала губа – иными словами, причин для жалости к себе было множество. Правда, благодаря таблеткам он отключился почти сразу, а вот Константин промучился до самого утра, так и не разобравшись до конца, что его сильнее беспокоило: ссадины или совесть.

После совместной лекции по философии Артур и Даниил вместе пошли в кафетерий и заняли места около запасного выхода. Артур с трудом открыл газировку, нахмурившись, будто беспомощный ребенок, а Даня разложил столовые приборы рядом с тарелкой и едва слышно поинтересовался:

– Так твоя фамилия не Попов?

Селиверстов кинул на него виноватый взгляд и ответил:

– Нет.

– Выходит, ты соврал.

– Не принимай на свой счет, ладно? Я тут всем вру, включая преподавателей.

– Разве можно врать преподавателям?

– Нельзя. Но я – не Попов, а Селиверстов. – Парень отпил газировки и раздосадованно усмехнулся: – А значит, обычные правила на меня не действуют.

– И у такого поведения, полагаю, есть причины, – рассудительно проговорил Даниил.

– Разумеется. Откликаться на чужую фамилию не так просто. Но я сам решил на эту авантюру, так что мирюсь с последствиями.

– Знаешь, я не понимаю, что может заставить человека изменить свою личность.

– Выходит, ты счастливчик.

– Нет, – Даня серьезно посмотрел на соседа и положил ладони поверх стола, – но моя мама считает, что мы идеальны в том виде, в каком мы есть.

– Значит, твоя мама не жила рядом с лицемерами и стервятниками, для которых твое богатство значит больше, чем ты сам. Ну а самое паршивое, что отличить этих стервятников от нормальных людей невооруженным глазом довольно сложно, ясно? Это идиотская тема, – отмахнулся Арт и принялся разрезать отбивную тупым ножом. – Я вроде как пытаюсь начать жить заново.

– Не уверен, что это возможно.

– Возможно, если очень сильно захотеть.

Даня нахмурился, отпил кислого кефира и пожал плечами:

– Ты все равно останешься Артуром Селиверстовым, даже если тебя будут называть Поповым. Но я попытаюсь понять твою логику. Ведь в твоём поступке есть логика.

Артур скривил губы:

– Мои родители определенно бы с тобой не согласились.

Спустя какое-то время Арт достал из рюкзака таблетки и потянулся к кефиру Дани:

– Ты не против?

– Нет, разумеется. Бери.

– Если таблетки не принимать, башка кругом идет.

– Кругом?

– Ну, перед глазами черные точки прыгают.

– Прыгают точки?

Артур снисходительно посмотрел на соседа и попытался вновь:

– Мне становится плохо, если я не принимаю лекарство.

– Вот в чем дело, – с пониманием протянул Даниил и тоже отпил кефир, от чего над его верхней губой появилась белая полоска. – Тебе стоит еще раз показаться доктору.

– Посмотрю по состоянию.

Селиверстов вновь принялся за отбивную, как вдруг услышал гоготанья незнакомых парней с соседнего столика. Они разглядывали спину Дани Волкова и хохотали, словно на ней была приклеена табличка с какой-нибудь глупой надписью. Арт свел брови:

– Чего им так весело?

– Полагаю, они смеются надо мной, – совершенно спокойно ответил Даня.

Он вытер белую полоску от напитка, поправил поднос таким образом, чтобы его край был идеально параллельным краю стола, и взялся за вилку. Артур вновь перевел на него взгляд:

– Что значит – над тобой?

– Мы с ними учимся на одном факультете. Я... просто я не нравлюсь многим людям.

– И по какой же причине?

– Пожалуй, мы с ними не нашли бы общего языка. В отличие от тебя и Константина, у них мозг несформировавшихся подростков, а не серьезных студентов. Они считают... они уверены, что я отличаюсь от других.

– И чем же ты отличаешься?

– Всем.

– Они ошибаются.

– Тебе не нужно врать, чтобы меня подбодрить.

– Да черта с два, – возмутился Артур, – им просто в челюсть давно не давали.

– Не все проблемы можно разрешить путем физического воздействия, – подметил Даня.

– Все. Иногда это самый простой вариант, иногда неправильный, но он возможен при любых обстоятельствах. Поверь мне. И почти всегда он самый эффективный.

Неожиданно рядом с Даней появился третий стул, и к парням подсел Константин.

Он сбросил с плеч рюкзак, поставил на стол бутылку воды и сцепил в замок пальцы, будто собирался произнести долгую и жутко приторную речь. Однако слова на ум не шли, да и желания распинаться у Кости не было. Потому он лишь небрежно пробежался ладонью по запекшейся ссадине на подбородке и спросил у Артура:

– Как рука?

Блондин усмехнулся. Как же ему хотелось отшутиться или выпалить что-то ядовитое и колкое! Правда, неожиданно загал угас. В чем была суть их конфликта? Почему они с Костей враждовали? Если говорить честно, Артуру было не по себе после тех слов, что он наговорил в переулке. Может, он и вырос в состоятельной семье, но его родители были порядочными и честными людьми, которые никогда не опускались до оскорблений.

– Порядок, – наконец ответил он.

– Ты подставился.

– Ну да, иногда я – само очарование.

– С какой стати тебе выручать меня?

– Ты хотел спросить, с какой стати мне спасти твою шкуру? – Арт пожал плечами и в недоумении уставился на Костю: – Ты бы поступил иначе? Тот кретин, скорее всего, шею тебе собирался проткнуть.

– Или легкое, – невзначай добавил Даня.

– Или легкое, – согласился Селиверстов. – Надо было что-то сделать.

- И ты внезапно возомнил себя Человеком из стали¹⁰.
- Слушай, любой бы поступил на моем месте так же.
- Не любой.
- Хорошо, я перефразирую. Любой адекватный человек.

«Любой *хороший* человек», – подумал про себя Костя и стал еще угрюмей. Он никак не мог понять, как подобная самоотверженность может жить в теле Артура Селиверстова. Этот парень думает только о себе, живет только ради себя. Он капризничает и сетует, как девчонка. Совершенно неприспособленный к самостоятельной жизни, нытик, неженка. И одновременно – храбрец, спасший человека от больших неприятностей?

Еще абсурдней было то, что Артур спас не просто незнакомца, а человека, который относительно недавно пытался надрать ему зад.

– Там, где я вырос, такой поступок значил бы много, – отрезал Костя и посмотрел на блондина угольными глазами. – Я его запомню.

– А где ты вырос?

– Далеко от тех мест, где вырос ты.

Видимо, несмотря на благодарность, говорить о своей жизни Ромал не собирался.

– Исчерпывающий ответ.

Ребята замолчали. Артур выпил еще таблеток, надеясь избавиться от ноющей боли, Костя с недовольным видом потирал подбитые подбородок и глаз, думая о том, как сильно он заблуждался относительно самовлюбленного блондина, а Даниил робко посматривал на своих соседей и терпеливо ждал, пока кто-то из них нарушит молчание. В глубине души он радовался тому, как мирно протекала их совместная трапеза. Они впервые сидели за одним столиком, впервые не грызлись и не пытались друг друга задеть. Было бы странно оправдывать вчерашнюю драку, но именно этим Даниил и занимался, находя хорошее в плохом и выискивая логику там, где ее не могло быть.

– Вот они! – неожиданно воскликнул женский звонкий голос, и рядом с Ромалом на появившийся из воздуха стул плюхнулась темноволосая девушка.

Костя резко обернулся, брови Артура подпрыгнули вверх, а Даня раскрыл от ужаса рот: ему безумно не хотелось, чтобы Костя вновь разлился, ведь разозлиться он мог с пол-оборота.

– Оля, иди сюда!

К столику подошла еще одна незнакомка. Выглядела она немного смущенной, хотя в глазах у нее светился живой интерес. В отличие от подруги, у этой девушки волосы переливались золотом. Запястья обеих рук обвивали разноцветные браслеты.

– Вы ведь спасли меня вчера, – воодушевленно воскликнула первая девушка и схватила Костю за руку, – а вы уже забыли? Я – Катя, Катя Морозова, господи, как же вы меня выручили, как помогли! Я так перепугалась, а вы возникли из воздуха. Оля, они прямо как ниндзя!

Только теперь Константин осознал, кто рядом с ним. Сейчас темноволосая девушка была накрашена, ее лицо не было искажено страхом, одежда сидела аккуратно, а локоны струились по довольно-таки сутулой спине. Тем не менее Косте совсем не нравилось, что незнакомка так к нему льнет.

– Мы тебя не узнали, – немного растерянно протянул Артур. – Хорошо выглядишь сегодня.

– Благодаря вам! Если честно, я думала, что с ума сойду. Весь день рыдала и из дома не выходила, но потом взяла себя в руки. В конце концов все закончилось ведь благополучно.

– Ну да. Благополучно.

Арт спрятал под стол перебинтованную руку, а Костя нетерпеливо проговорил:

¹⁰ «Человек из стали» – фильм Зака Снайдера, основанный на комиксах о Супермене издательства DC Comics.

– Мы рады, что ты в порядке.

– А я рада, что вы оказались рядом. Оля, они нереально крутые.

– Вы расправились с тремя преступниками? – нерешительно поинтересовалась Оля и переступила с ноги на ногу. Плечи у нее подрагивали. – Избили их?

– Просто поговорили, – отрезал Ромал.

– И вы... вы можете так поговорить... с кем угодно?

Даня нахмурился, а Костя поднял на Олю пристальный взгляд, наконец заметив ее плотно сжатые губы и трясущиеся руки.

– В смысле?

– Да в прямом, – ответила за подругу Катя. – Олю достает бывший парень. И достает уже несколько месяцев, открытки странные шлет.

– Откуда достает? – не понял Даниил.

– Из дома, из общежития – да откуда угодно. Он вечно рядом, как псих.

– Я думала, вы бы смогли... у вас бы получилось... на место его поставить.

– Стоп-стоп, – улыбнувшись, воскликнул Артур и откинулся на спинку стула, – о чем это вы? Я немного не понял.

– Я заплачу! – внезапно воскликнула Оля, удивив всех, кто находился за столиком.

– За что заплатишь?

– Мне страшно по улицам ходить и в комнате оставаться одной. Он фотографии мне присылает, наши общие, только мое лицо на них перечеркивает и моего друга избил! Хотя мы с ним просто общаемся. Честное слово. Я не знаю, к кому обратиться, я... Мой папа бы разобрался, но я из другого города и не хочу его впутывать. А Катя вчера рассказала, что с ней случилось, и я решила, что у вас... что вы сможете мне помочь.

После такой пламенной тирады Артуру стало не по себе. Даня искоса посмотрел на Костю, предчувствуя неладное, а Ромал спросил:

– Шлет тебе фотографии?

– Странно, что тебя удивило именно это, – сквозь кашель проговорил Арт.

– Он тебе угрожал?

– Иногда он ломится в дверь. И может проспать до утра у меня в коридоре.

– А еще он как-то за локоть ее схватил, – вмешалась Катя, хлопнув рукой по столу, – помнишь? У тебя синяк еще несколько недель не проходил.

Оля лишь кротко кивнула.

– Почему ты не обратилась в полицию?

– Я пробовала, но там решили, что доказательств недостаточно.

– И что ты хочешь от нас?

– Поговорите с ним, – попросила девушка и с надеждой посмотрела на Костю. – Вас он послушает. Должен послушать. Если вы откажетесь, я не знаю... не представляю...

– Интересная просьба, – пробурчал Артур.

– У меня есть деньги, я заплачу вам тысячу или две, это не проблема!

– Нам не нужны твои деньги.

– Тогда что нужно? – Девушка облокотилась о стол и взглянула сначала на Артура, а потом и на Костю огромными глазами, полными страха и отчаяния. – Вы мне только скажите, я найду.

Происходящее казалось самым настоящим розыгрышем. Арт всматривался в бледное лицо незнакомки и гадал, шутит она или говорит серьезно. Он искал подвоха, но подвоха не было, по крайней мере, намеренно девица их не обманывала. Даня предпочел вообще не вмешиваться и нервно постукивал пальцами по коленям, надеясь, что Артур и Костя примут правильное решение. То есть решение «жить мирно и спокойно».

Однако Костя был довольно странным и сложным человеком. Он плохо сходился с людьми и не выносил несправедливости. Годы жизни с отцом научили его лишь тому, что беспомощность – одно из самых страшных чувств.

Быть загнанным в угол и сломленным – больно. Больше, чем быть избитым.

– Что я могу сделать? – теряя надежду, спросила Оля, и Ромал посмотрел на нее. – Я все сделаю, только скажите, пожалуйста. Мне правда нужна ваша помощь.

– Что ж, – Костя принял решение. Возможно, скоропалительное. Возможно, чересчур самонадеянное. Но определенно продиктованное совестью. – Скажи, кто он и где его можно найти.

Даниил едва не подавился собственной слюной и широко раскрыл голубые глаза. Как же он надеялся, что Костя ответит иначе! Но нет. Его новый друг любил рисковать и набираться опыта. Пусть даже горького опыта. Селиверстов, улыбаясь, покачал головой.

Дело принимало интересный оборот.

– Насколько серьезно нам надо с ним разговаривать? – спросил Арт, шутливо вскинув брови. – Твой бывший должен извиниться или нужно, чтобы он несколько недель страдал от неправильного прикуса?

– Я просто хочу, чтобы он оставил меня в покое.

– И как его можно найти?

– Его зовут Кирилл, и... и сегодня вечером он собирается на вечеринку в двенадцатом общежитии. Вы живете рядом?

– В нескольких кварталах.

– В нескольких десятках кварталов, – поправил Костю Артур и вновь очаровательно улыбнулся. – Ты не могла бы скинуть мне его фотографию? Иначе придется разговаривать со всеми Кириллами, которые придут развлекаться.

– Да, разумеется. Скажешь свое имя?

– Артур Сел...

Парень внезапно запнулся и сдулся, как воздушный шар. Он не мог назвать девушке свою фамилию, адрес своей страницы. Он учился инкогнито, а значит, любые знакомства с Артуром Селиверстовым были невозможны. Разве что с Артуром Поповым, но только страницу себе новую Арт не создал, а потому он расстроился и хмуро посмотрел на ребят.

– Может, кто-то из вас займется этим?

Даниил с готовностью кивнул:

– Конечно. Ольга, вы можете прислать фотографию и данные мне.

Когда Катя наконец-то выпустила руку Константина и девушки ушли, Даня отставил подальше стакан с кефиром и серьезно проговорил:

– Это плохая идея.

– Почему же? – задумчиво поинтересовался Ромал. – Девушке нужна помощь.

– Сама по себе просьба избить человека – иррациональна.

– Она не просила его бить.

– Она это подразумевала.

– И что ты предлагаешь? Пусть и дальше этот кретин над ней издевается?

– Я предлагаю еще раз обратиться в полицию.

– Да менты, как всегда, в своем репертуаре, – протянул Артур, – мы сказали им, что на девушку напали, что мне руку порезали, и мы даже лица этих ублюдков видели! А они все равно дело не завели. Не хотят заморачиваться.

– В газетах пишут, что люди пропадают. Им давно пора заморочиться.

– Заморочиться? – не понял Даня.

– Обрати внимание, – пояснил Костя.

– Я не слышал о том, что люди пропадают.

– Уже семеро. И это за несколько месяцев. Говорят, орудует какая-то группировка.

– Что за группировка?

– Если бы знали, давно бы привели Питер в порядок. – Артур оперся о стол и серьезно посмотрел на Ромала: почему-то ему показалось, что его сосед собирался в одиночку разговаривать с бывшим Олиным воздыхателем. – Я как раз подумывал вечером развлечься. Почему бы не в двенадцатой общаге?

– Мне не нужна помощь.

– А мне нужна компания.

– Я похож на того, кто хочет составить тебе компанию?

– Выбирать не приходится.

Ромал недовольно сдвинул брови и отрезал:

– Ты опять начинаешь действовать мне на нервы.

– Парень, остынь, мы же нашли общий язык десять минут назад, верно? Какой толк от наших стычек? Давай лучше вспомним, что я спас тебе жизнь.

– Ты будешь часто об этом говорить.

– Это вопрос или утверждение?

Костя молча поднялся из-за стола. Спину тут же свело, как будто вчера кто-то хорошенько помолотил по ней кулаками, – что, собственно, было правдой. Ромал не собирался искать друзей. Не надеялся их найти. Он давно уяснил: каждый сам за себя. Это правило не менялось в течение всей его жизни. Почему сейчас должно было быть иначе?

– Будешь много болтать, я за себя не ручаюсь.

– Нужно было не в нос целиться, а в челюсть, – саркастично подметил Артур, мирно пожимая плечами. – Тогда проблем было бы меньше.

Костя усмехнулся и, отходя от столика, бросил:

– Отлично. Учту на будущее.

* * *

На фотографии, которую Дане прислала Оля, криво ухмылялся русоволосый парень. Подбородок у него был чересчур узким, отчего его лицо казалось почти треугольным. Лоб – блестящий от пота, нос – длинный, горбатый, как металлический крюк. В плечах Кирилл был достаточно широким, но в целом казался неопасным.

Хотя, разумеется, мало кто думал об опасности. Волновался лишь Даниил, но Костя и Артур впервые согласились друг с другом, посоветовав ему остаться дома. Даня злиться не умел – не пробовал, но почувствовал горьковатый привкус разочарования. Ему, конечно, не хотелось участвовать в драке и размахивать кулаками, да и не умел он этого. Но видеть, как ребята уходят, и провожать их взглядом было тоскливо. Он мгновенно почувствовал себя покинутым и одиноким, словно его наказали за оплошность и велели простоять в углу до прихода взрослых. Дверь за Артуром и Костей закрылась, и Даниил уселся на край своей кровати, прижав ладони к коленям.

Добираться до двенадцатого общежития Артуру и Константину пришлось на метро. Поздним вечером в подземке людей не так много, как утром, поэтому парни, не торопясь, вошли в поезд и заняли места друг напротив друга. Состав заскрипел, грузно двинулся по туннелю, а затем разогнался, словно выпущенная из лука стрела.

От неожиданности Арт едва не скатился с места и ухватился за скользкий поручень.

– Жесть, – выпалил он и уселся поудобнее, – так и шею сломать можно.

Костя не ответил. Даже не посмотрел на него. Пялился куда-то в потолок, задумчиво постукивая ногой в такт перестуку колес. Свет на мгновение потух, загорелся вновь. Но Артур уже недовольно нахмурился и спросил:

– Что это было?

Ромал терпел.

– Все в порядке?

Ромал прикрыл глаза.

– Нам не стоит выйти на следующей остановке, чтобы...

– Ты выйдешь на следующей остановке, если не замолчишь, – предупредил Костя и так посмотрел на Артура, что тот потерял желание задавать новые вопросы.

– Я давно не ездил в метро.

– А я давно не ездил на лимузине.

– Ты ездил когда-то на лимузине?

– А ты ездил когда-то в метро?

Арт хмыкнул и сложил руки на груди, не собираясь признавать, что существует в этом мире нечто такое, чего он никогда не делал. Вагон хорошенько трянуло, и Селиверстов в очередной раз потерял равновесие, но на этот раз выругался про себя, а не вслух.

Ромал исподлобья глядел на соседа. Он не мог раскусить Артура, понять его. Что Селиверстов забыл в питерском университете? Почему жил в общежитии? Куда вдруг подевались все его деньги? По какой причине он скрывал свое имя? Сначала Костя решил, что богатенькому сынку стало скучно. Теперь он не был в этом уверен – слишком уж часто сосед выглядел глубоко несчастным человеком. Вряд ли наследнику Селиверстова по доброй воле приспичило бы вкусить серой реальности.

Парни вышли на нужной станции и молча направились к выходу. Артур неожиданно вспомнил о тех днях, когда ему не приходилось притворяться бедным студентом, и лукаво улыбнулся. Расправил плечи. На миг стал прежним самодовольным типом без стыда и мук совести. Жизнь кардинально изменилась, но кто помешает Артуру Селиверстову идти по подземке так, словно он купил ее: купил поезда и эскалаторы, людей и эту станцию? Он умел ходить с таким видом, что прохожие оборачивались ему вслед и завистливо щурились.

Сказать то же про Константина было нельзя. Он шел, опустив глаза в пол, будто не интересуясь тем, что происходит вокруг; его правая рука находилась в кармане брюк, а левая плавала по воздуху в такт движениям. Ромал всегда знал, на что стоит тратить время и силы, какое впечатление он производит на людей. Он всегда понимал, что может себе позволить и что должен сделать, чтобы позволить себе абсолютно все. Нестандартная и непростая философия, которую не одобряли родные. Но именно такая философия помогла ему достичь того, что он имел.

– Я никогда здесь не был, – задумчиво протянул Артур, когда парни оказались рядом с длинным торговым центром. Его стены подсвечивали белые лучи. Вид был потрясающим, но Селиверстов почему-то грустно вздохнул: – До центра рукой подать, а я об этой улице никогда не слышал. Мы вообще редко выбирались на экскурсии.

– Экскурсии?

– Ну, я имею в виду, что город мы особо не исследовали.

– Ясно.

Ромал молчал, не собираясь поддерживать разговор, но Арт продолжил:

– Знаешь, мы ведь с друзьями всегда хорошо отрывались. Хотя сейчас я не уверен... не думаю, что было так весело, как мне тогда казалось. Понимаешь?

– Нет, – сухо отрезал Костя.

– А ты – само дружелюбие. Тебе не говорили, что с тобой крайне приятно общаться?

– Слышу это постоянно.

– Что конкретно тебя бесит? – нетерпеливо поинтересовался Артур. – То, что у меня богатый отец? Или то, что я хочу это скрыть?

– То, что ты никак не заткнешься. – Костя недовольно покосился на своего соседа. – Ты умеешь идти молча? Или движение твоих ног зависит от движения твоего языка?

– Слушай, я встал на путь истинный и не собираюсь опять гробить твой подбородок. Пойми меня правильно, я бы раньше с таким, как ты, даже рядом не ходил. Без обид.

– Ну что ты.

– А сейчас я изменился. Я иначе смотрю на вещи и...

– Клянусь Богом, Селиверстов, – взорвался Ромал и повернулся к Артуру лицом, – если прямо сейчас не закроешь рот, я еще раз врежу тебе по физиономии.

– Да тише, парень, – присвистнул Арт, приподняв ладони. – Я же не имел в виду ничего такого, из-за чего нам опять подметать асфальт придется, ладно? Я по-доброму.

Костя разозлился было еще сильнее, но затем его взгляд упал на перебинтованную руку Селиверстова – ту самую руку, которой тот прикрыл ему спину, и злость улетучилась, перевоплотившись в колючую досаду.

– Просто... – Он устало передернул плечами и продолжил путь. «Я ему должен, я ему обязан», – только об этом и думал Костя, а он не привык к таким ощущениям, потому что он ни у кого не просил помощи и ни от кого ее не ждал. Он готов был помочь другим, но сам днем и ночью сражался с проблемами в одиночку. – Иди молча.

– Ясно, – заключил Арт, а потом вздернул подбородок, словно ему совсем не надоело наступать на глотку собственным принципам.

– Что тебе ясно?

– Что у тебя проблемы.

– Вот, значит, как.

– Серьезные такие проблемы с оценкой действительности.

– *С оценкой действительности?* – равнодушно переспросил Ромал. – Выходит, ты у нас не только неженка и богатый наследник, но еще и психолог?

– Проблемы налицо.

– Скорее, на лице.

– Как и мои, – усмехнулся Арт и поморщился от боли. – Если честно, не ожидал, что ты ударишь. Мы, конечно, шли разбираться, но я не думал, что дойдет до рукопашки.

– Привыкай.

– К чему же?

– Что за слова придется отвечать.

– Закон улиц?

Костя покосился на блондина и нехотя ответил:

– Закон жизни.

– Слушай, в переулке я наговорил всякого дерьма – ты меня выбесил. Обычно я не так красноречив, – Артур скривил губы, – но меня переключило. Проблемы в универе. Плюс у тебя талант поносить людей и выставлять их идиотами. Я не смог удержаться.

– Оправдываешься?

– Поясняю.

Ребята свернули в небольшой переулок и направились к многоэтажке, из которой доносился громкий гул. Наверное, вечеринка была уже в самом разгаре, хотя на часах едва минула половина одиннадцатого.

– День был паршивый.

– Это многое объясняет.

– Я серьезно. Мне с тобой делить нечего. Ты вроде умный парень, книжки читаешь и к Дане хорошо относишься, вчера девчонку спас, сегодня еще одну хочешь выручить.

– Ты решил перечислить все мои положительные качества? – поинтересовался Костя и взглянул на Артура. – Давай без нытья, Селиверстов. Научись держать язык за зубами и хотя бы разок запри за собой дверь в общежитии. Тогда твой нос останется в целости и...

– ...сохранности?

– Читаешь мысли.

Артур улыбнулся и ответил:

– Ладно. Я тебя услышал. Запирать дверь.

– В точку.

– А что насчет тебя?

– Что насчет меня? – не понял Ромал.

– Я научусь закрывать дверь. А ты чему научишься?

– Терпеть твое чувство юмора.

– Вот как, – удивился Арт и проследил за тем, как Костя вышел вперед, – как по мне, это немного неравнозначные вещи.

Костя потянул на себя металлическую скрипящую дверь двенадцатого общежития, переступил порог студенческой обители, и на парней тут же обрушился отвратный запах старой мебели и грохот мощной стереосистемы. За администраторским столиком никого не было, то есть пройти мог кто угодно, а около лифта столпились студенты, делящиеся сигаретами, как непослушные школьники.

– Привет! – завопили они, увидев Костю и Артура, будто знали их всю жизнь.

Костя не обратил на них внимания, а Артур улыбнулся и протиснулся в лифт вслед за угрюмым соседом, не понимая, отчего тот выглядел так, словно кто-то коньки отбросил. Интересно, Ромал вообще умеет развлекаться? Улыбаться? Разжимать кулаки? Мутный парень.

Студенческие вечеринки – царство анархии и безответственности. Молодые парни и девушки намеренно забывают о том, что «пора взрослеть» и «головой нужно думать». И в течение долгой ночи бравая компания целого студенческого городка напивается, перемещаясь из одной комнаты в другую. В общем зале, где у студентов обычно располагается кухня или комната отдыха, ставят колонки, а лестничные пролеты превращаются в импровизированные курилки. Там ссорятся, дерутся и выясняют отношения.

Костя и Артур вышли на третьем этаже (там музыка гремела громче всего) и принялись азартно разыскивать Кирилла-ублюдка-Семенова. Народу было так много, что поиски грозили затянуться. Селиверстов незаметно стащил со стола бутылку светлого пива и скептически скривил губы: когда он в последний раз пил пиво? У них на вечеринках принято было распивать совершенно другие алкогольные напитки. Правда, в свое оправдание парень мог сказать, что он пробовал баварское пиво – да-да, то самое, настоящее, разливное пиво – в ресторанчике Мюнхена. Понятное дело, ничто не объединяло баварское пиво из Мюнхена и то отвратительное пойло, которое находилось в этой стеклянной бутылке, но надежда умирает последней.

– Это пиво, – как бы между прочим заметил Костя, увидев глубокую морщину на лбу Артура, нюхающего горло бутылки, – его пьют.

– Я знаю, что это такое, – защитился Артур.

– Уверен?

– Я пытаюсь понять, стоит ли оно того.

– Ясно, – бросил Ромал, – боишься отравиться?

– Прикидываю, из какой канализации добывали эту мочу.

– Еще не попробовал, но уже сделал вывод.

– Некоторые вещи просто знаешь, – по-философски отрезал Артур и с совершенно невозмутимым видом отставил пиво на треснутый подоконник, – когда-нибудь я угощу тебя настоящей выпивкой, друг мой. И ты постигнешь счастье.

- Не помню, когда это мы стали друзьями.
- Не хочешь попробовать настоящую выпивку?
- Хочу.
- Тогда нам придется подружиться.
- Не думал, что это стóящий повод. Но ладно. – Костя осмотрелся и вздохнул. Ему уже порядком надоело расхаживать среди опьяневшей толпы. – Не видишь нашего героя?
- Нет. А ты?
- Тоже.
- Надо подняться на четвертый этаж.
- Иди на четвертый. А я осмотрю второй.
- Кто найдет – тот звонит. – Арт продиктовал Ромалу номер телефона и небрежным движением смахнул со лба волосы. – Надеюсь, мы не проторчим тут до утра.
- Нам нужно успеть до закрытия метро, иначе придется плестись пешком.
- Точно, у меня из головы вылетело. Тогда не будем тратить время.
- Парни кивнули друг другу и направились к лестнице. Артур встал напротив лифта, а Костя свернул к ступенькам, и тут металлические створки лифтовой двери стремительно разъехались, и перед носом Арта появился Кирилл Семенов собственной персоной.
- Толпа студентов побрела из лифта, задевая друг друга плечами, а Артур откашлялся и преградил несчастному сталкеру-психопату дорогу.
- Не торопись, – попросил он.
- Что? – фыркнул Кирилл, прищурившись, словно ему лимон попал в глаза.
- погоди минутку.
- Какую минутку?
- Костя подошел к соседу и одним движением запихнул Семенова обратно в лифт. На лице того появилось выражение жуткого недовольства, но Арт и Ромал уже перешагнули порог, створки двери уже захлопнулись, и возмездие приближалось. Внезапно Костя нажал на красную кнопку, и лифт резко трянуло, прежде чем он завис между этажами.
- Какого хрена? – возмутился Кирилл.
- Какой банальный вопрос, – удрученно растянул Артур.
- Я вас знаю?
- Ты знаешь нашу подругу, – низким голосом отрезал Ромал и по-птичьи наклонил голову. – Оля. Быть может, вы с ней пересекались...
- Общались...
- Виделись...
- Какая на хрен Оля? – Глаза парня налились дикой злостью. Он расправил плечи и шагнул вперед, но Костя даже не шелохнулся. Просто поднял подбородок, чтобы глядеть жертве прямо в глаза. – Вы с катушек съехали? Меня там ждут.
- Потерпят.
- Что вам нужно?
- Поговорить.
- Так говорите и проваливайте. Чего пялитесь? Я не собираюсь...
- Константин выбросил вперед правую руку, и она врезалась Кириллу прямо в живот. Потом он замахнулся левой и оттолкнул парня от себя, да так, что тот ударился спиной о корпус лифта и застонал, словно раненое животное.
- Что за... – Семенов округлил глаза и неожиданно позабыл о злости, превратившись в перепуганного, сбитого с толку труса, – вы что творите? Сдурели?
- Оле совершенно не нравится, что ты ее преследуешь, – пояснил Артур, прислонившись к испещренной граффити металлической стенке. – Теперь ты понял, о ком мы говорим?
- Ни фига я не понял!

– Напряги извилины.

– Я ничего ей не сделал!

– Все-таки понял...

– Да что вам от меня нужно? – Надо же. Оказывается, даже имея гору мышц, можно выглядеть отвратительно жалко. Костя усмехнулся, а Кирилл сморщился, будто его подвергали немислимым пыткам. – Я ее пальцем не тронул.

– Ты изрядно ей докучаешь, – продолжил настаивать Селиверстов.

– Да что за на хрен! – Семенов встрепенулся и кое-как выпрямился. – Я никому не докучаю, я вообще не понимаю, о чем вы, если вы сейчас же не...

Ромал предупредительно покачал головой, и Кирилл запнулся.

– Не надо лгать, – попросил Артур.

– Она наплела вам всякой чепухи, выставила меня кретином, а сама прыгает из койки в койку, ублажила уже всю общагу, а я ведь знал, что она первоклассная шлюха. Вы ведь с ней тоже спите, да? Поэтому приперлись сюда и мозг мне выносите? Поэтому...

Костя не выдержал и вновь дернулся вперед. Что-то срабатывало в его голове – громкий щелчок, после которого наступала темнота.

Каждый раз, когда Виктор Ромал поднимал руку на свою жену – Анну, их маленький сын прятался в гигантском платяном шкафу, закрывал глаза и зажимал уши. В этом мраке он провел изрядную часть своего детства. И потом этот мрак вырвался наружу, не томился больше в платяном шкафу, а стал неотъемлемой частью его жизни. Всего один импульс. И всего одно слово. Механизм срабатывал – и Костя оказывался в кромешной темноте.

Ромал очнулся, прижимая Кирилла за ворот куртки к стене лифта.

– Эй, тише! – присвистнул Арт, оказавшись совсем рядом. – Давай оставим его в живых для разнообразия, ладно? Отпусти парня, он все понял, слышишь? Отпусти.

Костя замер и увидел, как по лицу Семенова течет кровь. Когда он его ударил? Ромал не помнил. Паника овладела им всего на мгновение, потом он скривил губы в холодной усмешке и рывком приблизил лицо к перепуганному лицу жертвы:

– Если я узнаю, что ты опять следил за Олей, что ты посмотрел в ее сторону... я тебя найду. – Безумие сверкнуло в угольных глазах. – Ты понял меня?

– Я...

– Что?

– Понял.

– Не слышу.

– Понял! – простонал пунцовый от стыда и ужаса Кирилл, и Костя отпустил его.

На лице Артура появилось странное выражение. Он нажал на красную кнопку. Лифт поехал вниз, а в воздухе повисло гнетущее напряжение.

Перед выходом Артур улыбнулся:

– Оля передавала привет! – и тенью последовал за Ромалом. Едва ребята оказались на достаточном расстоянии от лифта, Арт остановился и взмахнул руками: – Ты жутко выглядел, амиго. Что это, вообще, было?

– Амиго?

– А как правильно сказать? Мучачо?

Костя обернулся и предупредил:

– Не нарываешься.

– Я задал вопрос.

– А я сделал то, о чем нас попросили.

– Ты здорово его напугал.

– По-моему, в этом был весь смысл. Или у тебя тоже затряслись поджилки, неженка?

– У меня ничего не затряслось. Не говори чепухи. – Артур подошел ближе к Ромалу и вдруг улыбнулся: – Мы хорошо сработались, верно?

– Сработались? – скептическим тоном переспросил Константин, выгнув дугой левую бровь, которую не пересекал светлый шрам в форме полумесяца.

– Ага, как будто всю жизнь этим занимаемся. Я – хороший коп, ты – плохой. Думаю, Кирилл больше к девчонке не подкатит.

– А если подкатит – пожалеет.

– Точно.

Селиверстов внезапно рассмеялся. Почему-то эта ситуация показалась ему забавной и смешной. Им хватило минуты, чтобы вывести из равновесия рослого двадцатилетнего парня.

Золотая молодежь обычно так не развлекается, но ведь Артуру хотелось измениться, стать кем-то совершенно другим, новым, свободным. Он и раньше марал руки в драках, но удовольствия ему это не доставляло. Сейчас парень криво улыбался, так и видя перед глазами перекосенное от недоумения и страха лицо Кирилла Семенова.

– Надо бы отпраздновать.

– Что именно? – поинтересовался Костя и сунул руки в карманы куртки. – Тебе не доводилось прежде застревать в лифте?

– С целью устроить кому-то суд Линча¹¹?

– Я искренне удивлен, что ты использовал эту метафору.

– А я удивлен, что ты в курсе того, что такое «метафора». Ну? – Арт воодушевленно расправил плечи. – В конце концов, мы на вечеринке. Глупо уходить просто так.

– Сомневаюсь, что тут найдется выпивка получше той, что ты окрестил мочой.

– Кто ищет, тот всегда найдет.

Костя не разделял триумфального настроения богатенького наследника. Подумаешь, поставили на место кретина. Большое дело! Замолчал один, заговорят другие. Мир лучше они не сделали, хотя определенно упростили жизнь девушке из университета.

– Я спас тебе жизнь, помнишь? – проговорил Артур, помахав перебинтованной рукой.

– Опять ты за свое.

– Да брось ворчать, амиго.

– Я не из Мексики.

– А жаль, я обожаю текилу. – Костя вскинул брови – мол, ты ведь шутишь? А Арт уже вновь улыбался. – Ты пообещал привыкнуть к моему чувству юмора.

– Пообещал, – выдохнул Ромал, – но теперь жалею об этом.

Он отвернулся и уже собирался уходить, как вдруг заметил трех девушек: они вошли в общежитие и проплыли мимо, оставив после себя цветочный запах.

Среди них была *она*.

Та самая блондинка, которую Костя увидел недавно возле института. Высокая, очень красивая и пленительная незнакомка, смеющаяся над шутками подруг, одетая в мужскую кожаную куртку, с ярко-красной помадой на губах. Она вдруг посмотрела на Костю из лифта. Их взгляды встретились всего на секунду, створки закрылись. Но парень уже точно знал, что ему нужно. Он покосился на Артура и криво ухмыльнулся:

– На самом деле выпить не помешает.

¹¹ Суд Линча (линчевание, англ. the Lynch law) – убийство/наказание человека без суда и следствия.

Глава четвертая

Знакомство

Артур обрадовался, когда Костя решил остаться. Ему хотелось наладить отношения с обоими соседями – с Даней все шло как по маслу, но Ромал огрызался и держал дистанцию. У такого поведения определенно были причины, и Арту хотелось их выяснить. Несмотря на свое высокомерие и некоторую безответственность, плохим парнем он не был. Ему приходилось многим жертвовать ради семьи: например, никогда не упоминать о работе отца и уж тем более не жаловаться на то, что происходило в его жизни. Он боролся со своими демонами, а они, уж поверьте, соблазняли искусно. Так, что многие на его месте сломались бы. Но Артур старался найти себя в пестром калейдоскопе непонятной студенческой жизни. Ему *хотелось* найти себя. Он должен был это сделать.

Костя заметил, что блондин удивительно молчалив, и нахмурился. Ребята стояли около старого подоконника, на котором валялись десятки окурков, и пили пиво.

- Второй глоток, – заметил Ромал, разрядив обстановку, – а ты все еще жив.
- На пиво не похоже, – проворчал Артур, – но сойдет.
- Пиво как пиво.
- Сразу видно, что ты – дилетант.
- Слишком много умных слов за один вечер. Прячешь в кармане словарь?
- Нет, мне через наушник нашептывают папины клерки.
- Я так и подумал, – Костя усмехнулся и сделал еще один глоток.

На фоне облезлых стен и треснувшей оконной рамы Селиверстов выглядел нелепо. Даже в обычной куртке и обычной футболке он казался пришельцем с другой планеты. *Планеты аристократов*. Он совсем иначе держал спину, иначе двигался и даже разговаривал. Только идиот не заметил бы подвоха, а Ромал никогда идиотом не был.

– И каков план?

Арт обернулся:

– В смысле?

– Что ты забыл в нашем университете? Да еще и в общежитии. Твой отец – один из самых высокооплачиваемых сыщиков Санкт-Петербурга. У него ведь свое детективное агентство, своя империя... к нему обращаются все сливки Питера.

– Уже забил о нем информацию в Википедии¹²?

– Я же учусь на юридическом, гений, и собираюсь специализироваться на уголовном или, может, административном праве. Ты хотя бы представляешь, сколько работ защитил твой отец? Я вырос на его книгах. Жаль, что он не преподает.

– Тогда он не заработал бы состояние.

– Верно, – хмыкнул Костя, – но это не объясняет, что здесь делаешь ты.

– Учусь, – отшутился Артур, неуверенно облокотившись о подоконник. – Думаешь, я выпил так много, что готов рассказать тебе всю подноготную?

– Думаю, ты что-то скрываешь.

– Звучит драматично. Но ведь тебе тоже есть чем поделиться?

– Ошибаешься.

– То сорвиголова, то защитник обездоленных.

– Этот разговор начинает мне надоедать, – раздраженно бросил Ромал и отвернулся, а Селиверстов невинно пожал плечами:

¹² *Википедия* – многоязычная интернет-энциклопедия со свободным контентом.

– Ты сам его начал.

– Тебе здесь не место.

– Это точно. Я завалил тест по французскому, а у меня сроду по нему плохих оценок не было. На тренировках все через одно место. И на философии я умудрился облажаться.

– Да я о другом. – Костя покосился на блондина. – У тебя ведь все шансы учиться в каком-нибудь Гарварде, а ты просиживаешь штаны в Питере.

– В Гарварде? Ну ты скажешь, – усмехнулся Артур. – Мне бы дожить здесь до конца недели. Я свечку схожу поставлю! Чтобы на французском меня больше не вызывали перед всеми позориться. Никогда бы не подумал, что учиться так отстойно.

– А школа тебя ничему не научила?

– Только тому, что мое имя дорого стоит.

– Тогда почему бы тебе вновь не начать им пользоваться?

Арт вдруг грустно улыбнулся и пробормотал:

– Это тема для более крепкой выпивки.

Ромал потер пальцами запекшуюся ссадину на подбородке. Артур Селиверстов был странным парнем. Он улыбался то слишком часто, то слишком редко. Обычно так ведут себя люди, которые пытаются подавить свои истинные чувства. Они сражаются с сомнениями и оттого выглядят нелепо. В их движениях много неестественного, в их словах частенько закрадывается двойной смысл. Они так стараются привести жизнь в порядок, что сильнее запутываются в паутине повседневности.

– Тебя лишили наследства? – в лоб спросил Костя, на что Артур едва не поперхнулся пивом и растерянно уставился на соседа:

– Что за чушь?

– Вывод сам собой напрашивается.

– Слушай, Пуаро¹³, никто меня наследства не лишал, мой отец был бы счастлив, если бы я прекратил издеваться над матерью и вернулся домой.

– И что тебе мешает?

– Множество причин, ясно? – Селиверстов нахмурился и нервно поправил куртку. На его лице появилось странное, уязвимое выражение. Костя в жизни не подумал бы, что Селиверстов может выглядеть... *ранимо*. – Ты допрос мне решил устроить или что? Статью пишешь? Я надеюсь, тебе не надо объяснять, что о том, кто я на самом деле, никто знать не должен.

– Хорошая попытка, – фыркнул Ромал и вальяжно прислонился к стене. – У людей и без нас дел хватает, не спорю. Они так сильно заняты собой, что по сторонам не смотрят.

– Вот именно.

– Но глупо надеяться, что никто не догадается.

– Я никогда особо не светился. Папа настаивал. Свой профиль я закрыл.

– А этикетки с чемоданов не содрал.

– Мои чемоданы только вы с Даней видели.

– Интернет-новости, местные издания, желтая пресса...

– Да говорю же, я не светился. Очень редко. Мне даже пришлось удалить «Инстаграм».

– О, – протянул Костя и театрально нахмурился, – соболезнаю.

– Да заткнись ты, – ругнулся Артур, толкнув соседа локтем, – не смешно. – Бутылка уже почти опустела, и его слегка покачивало. – Мы живем в эпоху Интернета, но я не могу даже фото добавить без одобрения папиной комиссии.

– И поэтому ты сбежал? – усмехнулся Ромал. Щеки у него покраснели от выпивки, перед глазами слегка плыло. – Тебе не разрешили добавить фотографию в «Инстаграм»?

– Не зли меня.

¹³ Эркюль Пуаро – сыщик из романов английской писательницы Агаты Кристи.

- Странное пиво, – внезапно заявил Костя и посмотрел на бутылку.
- Почему странное?
- Язык заплетается.
- Я думал, так и должно быть.
- Уж точно не от первой бутылки.

Артур прищурился и недовольно отрезал:

- Так и знал, что нельзя пить этот отстой. Мог бы и раньше сказать, что мы давимся каким-то дерьмом. Я ведь не разбираюсь в этих ваших студенческих напитках.
- Тише, не нагнетай. Коньки ты не отбросишь.
- Рад это слышать.
- Знаешь...

Костя замолчал. Он увидел блондинку – Лизу, если верить словам Даниила. Попивая что-то из одноразового стаканчика, она стояла у противоположной стены, и сигаретный дым кружил над ней, словно тучи. Девушка была в короткой юбке, на высоких каблуках. Костя раньше и не подозревал, что можно так долго смотреть на женские ноги. Что можно изучать один за другим сантиметр чужого лица и гадать, кто к нему прикасается.

Ромал отставил бутылку на подоконник и прохрипел:

- Мне нужно...
- Не продолжай. – Артур понимающе кивнул. – Симпатичная. Вы знакомы?
- Сейчас познакомимся.
- Дерзай. А я попытаюсь найти нам нормальную выпивку.

Костя уверенно двинулся к Лизе и встряхнул руками, чувствуя, как пальцы отекают, а ноги наливаются свинцом. Интересная реакция на красивую девушку. Хотя, может, она и не была просто красивой? Она была самой красивой.

Чем ближе подходил Константин, тем прекрасней она становилась. Кожа – идеально гладкая, носик – тонкий и изящный, а губы – у Кости определенно были планы на эти губы, пусть они не произнесли еще ни слова.

– Привет, – бросил он, остановившись рядом с девушкой, и блондинка перевела на него взгляд, полный невероятной скуки. От такого взгляда уверенности у Кости изрядно поубавилось, но он все же собрался с мыслями и криво улыбнулся: – Отдыхаешь?

Спустя миллиарды лет она спросила:

- А есть варианты?
- Да вариантов куча, на самом деле.
- И каких же?
- Может, ты ждала, пока я подойду к тебе.
- Надо же, какой самоуверенный, – пробормотала девушка. – Ну и что дальше?
- Я – Костя.
- А я – нет.

Она улыбнулась, явно довольная собой, но Ромал ничуть не растерялся – он медленно шагнул к блондинке и увидел, как в ее голубых глазах блеснули искры от прожекторов.

- Лиз, а ты чего такая грустная?
- Лиз? – Девушка вскинула брови. – И откуда ты мое имя знаешь? Преследуешь?
- Да нет, просто видел тебя в универе.
- Вот оно что, – Елизавета осмотрелась, словно искала кого-то в толпе, а потом вновь взглянула на Костю и поджала губы: – Ты чего хотел?
- Свободна в эту субботу?

Лиза прыснула и округлила глаза, удивившись смелости парня. Впрочем, хоть такие смельчаки и нечасто встречаются, особого интереса она не почувствовала – лишь покачала головой, и золотые локоны метнулись по худеньким плечам.

– Ты ведь несерьезно.

– Seriously.

– Сомневаюсь, что я буду свободна в ближайшие пару лет. – Девушка оттолкнулась от стены и недовольно произнесла: – Куда подевалась... моя куртка...

Костя начал уже снимать с себя джинсовку, как вдруг Лиза выпалила:

– Ты что делаешь? Вот. – Она разом осушила стаканчик и вручила Ромалу: – Выброси.

Справишься?

– Я не...

– А риведерчи.

Лиза помахала Ромалу и ушла, даже не обернувшись. Сбитый с толку, униженный, Костя стоял с пустым пластиковым стаканчиком и чувствовал себя... ну не то чтобы полным кретинком, но близко к тому. Наверное, впервые его растоптали и уничтожили, не приложив для этого никаких усилий. Лиза повела себя так, будто он не имеет права находиться рядом с ней, общаться с ней, дышать одним воздухом. Неприятное покалывание где-то в легких отдавалось диким дискомфортом по всему телу, и Ромал уже не понимал, то ли в помещении стало слишком душно, то ли кровь вскипела в венах.

– Как успехи? – спросил возникший откуда-то Артур. – Странно выглядишь.

– Обычно выгляжу.

– Слушай, я тут нашел целый холодильник, забитый отменным алкоголем. Понятия не имею, откуда у студентов такие залежи, но там...

Костя выбросил пластиковый стаканчик и забрал у Селиверстова обычную чайную кружку, наполненную до краев каким-то голубым напитком. Пахла эта жидкость странно, но какая разница? Ромал разом осушил чашку и порывисто откинул назад голову, ощутив внутри безжалостный пожар. Глаза налились слезами, а глотку сдавила судорога.

Парень сморщился и прокряхтел:

– Что за...

– Нравится?

Костя хотел выругаться во весь голос, а затем почувствовал, как тепло разлилось по телу, мышцы расслабились, а в висках перестало стучать, и выдохнул:

– Сойдет.

– Еще? – Зеленые глаза Арта сверкнули азартом, словно он перевоплотился в самого настоящего наркодилера. И Ромал ответил:

– Еще.

* * *

Слова песен сливались в неясный шум. Артур стоял в центре комнаты и не понимал до конца, что тут происходит. Его толкали танцующие, они кричали, хохотали. Все выглядели потными и распаленными, с шалыми от наслаждения глазами. Девушки в коротких топах, парни с красными от неимоверной духоты щеками. Из-за дыма казалось, что их силуэты сталкиваются, переплетаются и перетекают друг в друга, не существовало ничего, кроме тел, ритма и удовольствия. Арт соскучился по этому чувству, Арт мечтал о нем. Он знал, что наслаждение – миг перед провинностью, наркотик, толкающий на преступления.

И как же он мечтал согрешить!

Качнувшись в сторону, он увидел Костю, который стоял с запрокинутой головой и смотрел куда-то в потолок. Что он там видел? Что хотел увидеть? Селиверстов поплелся в его сторону, спотыкаясь через раз, и прохрипел:

– Куда пялишься?

Костя неохотно посмотрел на блондина.

- Ты это мне?
- Это я тебе.
- Хочешь в челюсть?
- Хочу выпить. Ты со мной?
- Давай.

Парни схватились за плечи друг друга и побрели по людному коридору, то и дело вреза-
ясь в стены. Казалось, пролетела целая вечность, сотни и тысячи световых лет, пока они пре-
одолели расстояние от комнаты до кухни. Непроизвольно Арт засмотрелся на двух парней в
темном углу, которые, достав из прозрачного пакетика белые таблетки, забросили их себе в
рот. Артуру часто доводилось видеть, как кто-то принимает наркотики. Но сейчас его внима-
ние привлёк *крест*.

Чёрный крест, нарисованный на пакетике с наркотой...

Арт повалил чей-то стакан на пол, забыв, что его рука тянется к полупустой бутылке с
прозрачной жидкостью, и на лице Кости появилась шкодливая ухмылка.

– Тебя прибьют, – захихикал он, – крышка крашеному блондину.

– Это мой натуральный цвет, – ошетинился Артур, отвернувшись от незнакомцев. – Я от
природы злато... волосый... златовласый?

– Золотоволосый?

– Золотисто-кудрявый?

– Яично-желтый.

Селиверстов неожиданно расхохотался и пролил несколько капель мимо стаканчика.

– Мне нравится! Долго думал?

– Не отвлекайся, – бросил Костя и схватился за край стола. Как же голова-то кружилась...
Просто нереально. Ромал чувствовал, как стены летают перед его глазами, и плевать, что стены
не могут летать. Он жмурился, распахивал глаза и снова жмурился, а комната парила, то взле-
тая, то падая вниз. – Что мы пьем?

– Тебя это волнует?

– Я губ не чувствую. Как замороженные.

– Найди себе девчонку. Она быстро тебя отогреет.

– Уже нашел.

– Ты про ту длинноногую блондинку? – Артур смешал водку с голубым сиропом и с
чувством выполненного долга протянул коктейль Косте. – Красивая. И дорогая.

– Дорогая? – не понял Ромал, сморщив нос.

– На таких много бумажек уходит. Кино не прокатит.

– С бумажками у меня сейчас завал, полная задница.

– Как я тебя понимаю...

– Ты? – прыснул Костя. – У местного наследника проблемы с баблишками? Ну а я в
балетную пачку не влезаю.

– В какую на хрен балетную пачку?

– А что? Звучит так же безумно, как и история о бедном миллионере.

– Хватит меня так называть, – взвыл Арт и нагнулся к соседу, словно собирался поведать
ему страшную тайну, – чтобы ты знал, я у отца баблишко не беру и не собираюсь. Я сам по
себе, как лев.

– При чем тут лев?

– Да что ты придираешься?

– Просто сказал бы «как волк», и стало бы понятней.

– Блин, ладно. Сам по себе, как волк. Доволен?

– Парень, выражаться надо правильно, – пожал плечами Костя, – я лишь подсказал.

– И откуда такие умные берутся?

– Из трущоб.

– Из каких еще трущоб?

– Пригородных.

– Под Питером есть трущобы?

– Есть. Поверь мне. Вонючие, уродливые и прогнившие. Безликие, как и их хозяева, которые только зря занимают место в этой жизни. Пустая трата пространства. – Костя осушил стакан с таким отчаянием, словно это был последний глоток воды перед засухой, и рассерженно смял его в пальцах. – Пригородная клетка или «двор чудес». Не слышал о нем?

– Я мало что знаю о нашем городе и его окрестностях, – задумчиво пробормотал Артур, – ты вырос там?

– К несчастью моих родителей.

– Проблемы с предками?

– Мама у меня санакуны.

– Сана... что?

– Золотая, – пояснил Ромал с внезапно вспыхнувшей нежностью. – Она – одна, таких нет. Бывают люди, ну знаешь: «Хачен, нэ на татькирэла». Горят, но не греют. Она другая.

– Значит, классная она у тебя.

– Верно.

– Моя мама тоже хорошая, – поспешил заверить соседа Артур и уверенно кивнул, – у нее, конечно, пунтик на том, чтобы все было идеально и я был идеальным, а меня это, по правде говоря, раздражает. Из себя выводит.

– Мать – святое.

– Не сомневаюсь, мучачо.

– Не мучачо. Ромал. – Костя приложил ладонь к сердцу. – Цыган.

Артур неожиданно нахмурился. Ему стало на редкость паршиво, будто он оскорбил своего непутевого соседа, которого, к слову, оскорбить было так просто – ведь ему ничто не нравилось. Он положил руку на плечо Кости, сжал его и с чувством проговорил, еле удерживая равновесие:

– Как скажешь, цыган.

– Вортако.

– Фортако.

– Вортако, – с нажимом повторил Ромал и кивнул, – друг.

– Друг. – Селиверстов покачал головой, разрываясь на тысячи частей от довольно странного чувства, будто он приобрел в повседневном хаосе нечто ценное. – Вортако.

– Вортако.

– Вортако, – повторил Артур и похлопал Костю по плечу, расчувствовавшись, будто мелкая девчонка. – Надо выпить.

– Там много еще осталось?

– На один раз хватит.

– А который... – Ромал свел брови, позволяя мыслительному процессу медленно, но плодотворно крутить шестеренки, и подозрительно прищурился: – Который час?

– Час выпить.

– Я серьезно. Мы метро не пропустили?

– Да у нас полно времени. Не кипешуй! Сейчас только... – Блондин взглянул на свои наручные часы с гравировкой на серебряном браслете и, несмотря на то, что черные точки так и прыгали перед глазами, увидел страшную картину. – Вот же... – Он резко выпрямился и уставился на соседа, чья кожа при тусклом освещении казалась черной. – Ты только на прохожих не кидайся, договорились? И стены не круши. И...

– Сколько?

– Около трех.

Костя качнулся назад и прикрыл глаза пальцами. Сосуды наверняка полопались, башка звенела, завтра наверняка придется несладко. Костя взвыл, словно медведь гризли, и сквозь пальцы уставился на новоиспеченного вортако.

– Что будем делать?

– Вызовем такси, – с готовностью ответил Артур.

– На какие деньги, гений?

– Да я имя им свое назову, и все – и проблема решена.

– Никто не повезет нас просто так. – Ромал с нажимом провел по лицу руками так, что остались едва заметные красноватые полосы, а потом шмыгнул носом. – Придется пешком топтать. К рассвету будем у общаги.

– К рассвету? – ужаснулся Селиверстов.

– Ну плюс-минус пара часов. Пара-тройка часов.

– Да я в жизни столько не ходил.

– Вот и попробуешь.

– Стой, стап, аррете, халт!

– Да ты полиглот, – присвистнул Костя, – чего так распереживался? Не нервничай. Не знаю, как ты, а мне завтра надо на угловое право и профессиональную эстетику.

– Что? – не понял Артур. – Что еще за профессиональная эстетика? – Угловое право, видимо, его совсем не смутило. – У меня тоже завтра тренировка. Надо... напрячь... мозг.

Селиверстов весь сморщился, будто лимонная кожура, а Ромал скептически поджал губы. Каким же образом стиснутые зубы и наморщенный нос разрешат ситуацию? Но уже в следующее мгновение блондин резко выпрямился и воскликнул:

– Идея!

– Мне она уже не нравится.

– Не нуди, вортако. Я знаю, что нам надо сделать.

– И что нам надо сделать?

– Всего один звонок... – Артур достал телефон и отошел в сторону, а Костя хмыкнул и, улыбаясь, покачал головой.

Ну и странный у него сосед. И потолок тут странный, а еще тут странно пахнет: чем-то сладким и горьким одновременно. Ромал не слышал, о чем там разговаривал Селиверстов, он даже не пытался прислушаться, а просто поплелся по коридору и, не церемонясь, стащил со столика чей-то напиток. Понюхал. Кажется, коньяк. Вылил на пол.

– Эй! – разозлилась рыжеволосая незнакомка.

– Мне нельзя смешивать.

Девушка закатила глаза, но ругаться не стала. А Костя коварно ухмыльнулся. Какой же он плохой и опасный парень! Держит в страхе целую... комнату опьяневших студентов. Семенов тоже испугался. По правде говоря, даже сам Костя иногда боялся своих вспышек и приступов, которые за ними следовали. Откуда взялись эти провалы в памяти? И как вернуть крышу на место? Ромал понятия не имел, как справиться с новыми загонами, и планировал поразмыслить над этим вопросом. Но только не сегодня.

– Такси едет, – самодовольно заявил Артур, возникнув рядом, и осмотрелся, будто искал что-то важное. – Где моя куртка?

– А моя где?

– Мы потеряли куртки?

– Сегодня у всех так. – Костя пожал плечами. – Невезуха.

– О, я любил свою куртку! Вот дерьмо. Черт.

Арт не переставал ругаться, пока парни спускались на первый этаж, а потом все повторял и повторял, что ему будет холодно, и он замерзнет, и Ромалу пришлось насильно выталкивать его из общежития. Парни уселись на холодный бортик тротуара и надолго замолчали.

Артур неожиданно сказал:

– Есть охота.

– Издеваешься? – еле выговаривая звуки, встрепенулся Костя и крепко зажмурился, так и прилипнув головой к коленям. – Меня сейчас вывернет.

– Ну нет.

– Тупой день.

– Отличный день! Не нагнетай, вортак. Мы ублюдка на место поставили, выпили и поотрывались. И даже поделились потаенными-глубинными секретами. Когда бы мы еще так пообщались, а? Отвечай давай, ответь мне.

Арт начал толкать Ромала в плечо, и тот через силу выпрямился. В его глазах лениво плясали искры от фонарей, а губы превратились в тонкую бледную полоску.

– Какими еще глубинными секретами?

– Ну я про отца рассказал. А ты на своем цыганском выражался. Блин, это круто, это очень и очень круто, я такого языка никогда не слышал. Скажи что-нибудь.

– Отвянь.

– Ну чего ты? Ты из-за той девчонки кислый?

– Какой я тебе кислый?

– Да я по-доброму.

– Чего она выделялась? – задал риторический вопрос Костя и посмотрел в серую и мрачную вечернюю пустоту.

С его губ слетал еле заметный пар, словно на улице царила зима или поздняя осень. Парень вяло покачал головой, а за его спиной, где-то в здании, до сих пор гроыхала музыка и переливался тусклый свет.

– Шувани.

– Это что значит?

– Ведьма.

– А как на вашем *красавица*?

– Гожо.

– А «иди на хрен, другой повезет больше»?

Ромал рассмеялся и посмотрел на блондина. Тот тоже улыбался. С разбитой губой и напухшим, синюшным носом выглядел он нелепо. Впрочем, Костя и сам выглядел не лучше. Его вдруг осенило, что, возможно, Лизу попросту испугал его внешний вид. Кто захочет общаться с парнем, у которого по всему лицу ссадины? А он ведь не входил в число ее знакомых и начал приставать на вечеринке. Какие у него были шансы? *Никаких*.

Как же он облажался! Надо было подумать об этом прежде, чем производить первое впечатление. А сейчас уже ничего не изменишь. Придется работать с тем, что есть. Ромал так и сидел, погрузившись в свои мысли, пока не услышал оглушительный шум.

Он обернулся и огорошенно вскинул брови.

Из-за поворота выехала шикарная черная машина. Точнее сказать, она ворвалась с заносом, как гоночное авто на последнем круге. Покрышки дико завизжали, на асфальте появились две черные полосы, и в следующее мгновение машина, будто щегол, врезавшийся в лобовое стекло, резко затормозила и заглохла напротив парней.

Костя прищурился, а Селиверстов поднялся на ноги и широко улыбнулся, как самый настоящий псих, намеревающийся покорить вселенную.

– Вот она, – прохрипел он, – мой паучок.

Ромал свел брови. Что еще за паучок? Более глупого прозвища для подружки он еще не слышал. Парень встал с бордюра, отряхнул джинсы и уставился на блондина, логично предполагая, что тот стартанул к своей девушке, но нет... Селиверстов рысью подлетел к капоту и уткнулся в него лицом, как в плюшевого медведя.

Его щека заскользила по теплому металлу.

– Мой паучо-о-ок, – вновь пропел он, прикрыв от блаженства глаза, – как же я скучал.

В этот момент водительская дверь распахнулась, и из машины вышла девушка. Злая, недовольная девушка с взлохмаченными шоколадными волосами и миллионом веснушек на бледном лице. В мятой широкой футболке и таких же широких штанах. Она походила на свирепую пантеру в преддверии смертельного прыжка.

– Ты видел, который час? – спросила девушка и захлопнула дверь. Раздался громкий стук, но Артур не обратил внимания – все поглаживал капот машины. – Башка тупоголовая, у меня же завтра...

– Да ладно тебе, – проворковал Селиверстов.

– Ладно?

– Ты ведь не в обиде.

– Не в обиде? – Незнакомка раздраженно всплеснула руками и отвернулась, с трудом удерживаясь от того, чтобы не накинуться на парня с кулаками. – Просто невыносимо.

– Ну чего ты?

– Ничего.

– Лгу-у-унья!

– Сейчас три часа ночи, – напомнила знакомка, подошла к парню и с такой силой пихнула его в плечо, что он отскочил от машины и выпрямился по струнке, – ты засранец!

– Сама такая!

– Я расскажу маме.

– Ничего ты не расскажешь, – возмутился Артур.

– А вот и расскажу. Про драку, про больницу. С удовольствием посмотрю, как она шкуру с тебя сдерет.

– Да ты извращенка!

– А ты непроходимый болван!

– Вы... – Костя откашлялся и приподнял перед собой руки. – Что происходит?

Арт одернул футболку и повернулся к Ромалу. Кто бы мог подумать, что сначала ты растишь этих маленьких сорванцов, таскаешь их с собой на разные тусовки и вечеринки, а потом они вырастают, орут на тебя и обзывают болваном.

– Эта сумасшедшая – моя сестра.

– Ты не говорил, что у тебя есть сестра.

– Я хотел брата.

Незнакомка покосилась на Артура и поинтересовалась:

– А по лбу не хочешь?

– Тогда тебе придется принести лестницу. Ты же у нас... ка-а-арлик.

Селиверстов захихикал, а девушка вновь ударила его по плечу, потом по животу, ну и хорошенько по затылку. Ударами это, конечно, сложно было назвать, потому что Артур продолжал смеяться. А знакомка продолжала злиться. В конце концов она сдалась и на выдохе взмолилась:

– Садись уже в машину, иначе я за себя не ручаюсь.

– Какая же ты милая.

– Это у нас в генах.

Селиверстов улыбнулся и, сгорбившись, поплелся к пассажирской двери.

Костя не особо понимал, что происходит. К тому же он до сих пор плохо видел из-за плавающих черных точек и мутной пелены. Кто заставлял его столько пить? Отчаяние – да, именно оно. Парень протер глаза и вновь уставился на девчонку: она держалась руками за голову, будто ее одолевала жуткая мигрень, и тихо повторяла:

– У тебя еще три часа. Целых три часа.

– Три часа на что?

Девушка перевела взгляд на Костю и пробормотала:

– Завтра в шесть утра подниматься.

– Это паршиво.

– А у вас завтра выходной?

– Да, собственно... нет.

Сестра Артура улыбнулась и с усталым видом подошла к Ромалу, протягивая руку:

– Алина.

– Костя.

Ромал серьезно кивнул, как на собеседовании, и стал разглядывать необычное лицо девушки. У нее и правда было слишком много веснушек: на носу, на щеках, у самых глаз. Глаза, к слову, были такими же черными, как и у Кости, а может, и еще темнее. «*Довольно крепкое рукопожатие для девчонки*», – подумал Ромал, выпуская ее ладонь и невольно сжав и разжав пальцы.

– Ты его сосед?

– Сосед.

– Молчаливый или вечно недовольный?

Костя пьяно ухмыльнулся и ответил:

– Видимо, вечно недовольный.

– А ты ведь разбил моему брату нос. – скрестив на груди руки, напомнила девушка и выгнула дугой правую бровь. – Ничего не скажешь в свое оправдание?

– Ты, что ли, адвокат?

– Я «что ли» прокурор.

– Артур сам напросился, – пожал плечами Костя. – Я невиновен, ваша честь.

– Навешали друг другу тумачков, а потом решили подружиться? – Девушка вдруг усмехнулась. – Типичные мужики.

Едва Ромал устроился на заднем сиденье, Алина вдавила педаль газа, и машина лихо сорвалась с места, подняв облако пыли. Она черной стрелой пронеслась по опустевшим, будто бы вымершим улицам Санкт-Петербурга, на которые широкими полосами ложился свет фонарей. Летали, парили, смазывались огни светофоров, мосты и набережные. Костя открыл окно, и в салон ворвался свежий холодный воздух, от которого мурашки пробежали по телу.

– Ты что там делаешь? – удивилась Алина и покосилась на незнакомца.

Она увидела его ярко горящие глаза, наблюдающие за проносящимися мимо зданиями, и отвернулась с легкой улыбкой на губах.

– Дай парню насладиться, – проворчал Артур. – Он ведь впервые на такой машине по городу разъезжает, да еще и по Питеру! Питер и ночь – это как Ромео и Джульетта. Нельзя представить одно без другого.

– А ты ценителем заделался?

– Я никогда им не разделялся.

– Кажется, ты слишком много выпил. Как и твой друг. Может, ему плохо?

– Мне хорошо, – отозвался Ромал, замороженный стремительным движением. Какое же безумие и какая красота... Циник умер всего на мгновение, позволив любознательному мальчишке насладиться великолепием своего города. – Мы едем по центру, да?

– Ага, – кивнула Алина. – Вон там, видишь, Петропавловская крепость, на острове, с золотым крестом на самом-самом пике.

– О, – одновременно протянули парни, на что девушка рассмеялась и сказала брату:

– А ты что «охаешь»? Ты тут сто раз ездил.

– Ну ездил, – возмущился Артур, – как будто я что-то замечал. Ты лучше за дорогой следи и не издевайся над моим пауком, сбавь обороты.

– Что за паук? – обернувшись, спросил Костя.

– Крошка, в которой мы сейчас сидим. «Порше 919 Spyder»¹⁴, – невзначай бросил Арт, а потом опять уставился на сестру и недовольно свел брови: – Ты выжимаешь все...

– Я сама разберусь, как мне ехать, – перебила его Алина.

– Ничего ты не разберешься.

– Разберусь.

– Цыц! Я старший, значит, я умничаю, а ты соглашаешься.

Девушка хмыкнула, будто уже в миллионный раз выслушивала эту нотацию, а Ромал протиснулся между двух передних сидений и спросил:

– Если ты старший... она, что ли... без прав ездит?

Артур только развел руками – мол, что поделаешь, а Алина покосилась на парня и, коварно сверкнув угольными глазами, прошептала:

– Никому не говори.

– Отлично... – Ромал пожал плечами, откинулся назад и скатился по кожаному чехлу, как по снежной горке. – Почему бы и нет? Вполне себе нормальное поведение для дочери известнейшего питерского детектива. Проблем с ментами ведь не будет, правильно?

– Чтобы ты знал, меня еще ни разу не останавливали.

– На этой неделе, – вставил Артур.

– Слушай, если не устраивает, сам за руль садись.

– Да ты смотришь на меня, а я две головы твои вижу. Мне и одной хватает, а тут две, как в фильме ужасов! А вообще, знаешь, интересно, за что меньше дадут: за вождение без прав или за вождение в состоянии алкогольного опьянения? Ну же, вортако, ты ведь у нас будущий юрист. Что посоветуешь?

Костя удрученно поджал губы. Все, что происходило, казалось нереальным. Он ехал в машине с детьми самого Марка Селиверстова. Ехал в «порше»! Ехал с теми, кого привык считать врагами, но не хотел сровнять их с землей, а наоборот, общался, как с друзьями.

– Ты чего завис? – Артур обернулся. – Вспоминаешь Уголовный кодекс?

Ромал почесал саднившую рану на подбородке и проговорил:

– Там столько этих кодексов, что мозг сломается.

Блондин усмехнулся и вновь повернулся к лобовому стеклу. Он ехал непристегнутым. Громко болтал и отвлекал сестру от дороги. Был весел. И совершенно спокоен. Как можно было отказаться от такой жизни? Жизни без правил. Жизни, где твое имя открывает любые двери и приносит больше плодов, чем труд и амбиции? Костя смотрел на Алину, на Артура и не представлял, что могло причинить им боль, сбить с пути, смешать карты.

Неприкосновенные. Так он их окрестил про себя.

А потом отвернулся и замолчал до конца пути.

Алине пришлось заплатить охраннику, чтобы тот пропустил всех троих в общежитие. Бедняжка тащила Артура за руку, как упрямого барана! А он все хотел пробежать по коридору и постучать во все двери, словно маленький ребенок. Ромал плелся за ними, ступая точно по их следам, играя в квест, созданный пьяной фантазией, и смеялся, когда Артур вырывался из рук сестры и заносил руку перед чьей-то дверью. Один из таких его смелых порывов закончился

¹⁴ «Порше 919 Spyder» – вымышленная модель, аналог «Порше 918 Spyder».

тем, что он неуклюже споткнулся и налетел щекой прямо на дверную ручку. Алина вскрикнула, Костя затормозил с поднятой ногой, боясь наступить на воображаемую лаву. А блондин застонал и распластался на грязном линолеуме, будто советский пестрый ковер.

– Пардон, – прокряхтел он, – кажется... у меня что-то... жопа.

– Ну что с тобой не так? – встревоженно воскликнула девушка. За дверью кто-то зло выругался, и шатенка поспешила поднять брата с пола. – Больно?

На покрасневшей щеке виднелась толстая красная полоса содранной кожи. Крошечные капельки крови уже выступили наружу, и девушка заботливо прикоснулась к ним рукой.

– Балда.

– Шрамы украшают мужчин.

– У тебя прошлые еще не зажили.

– Чем их больше, – со знанием дела протянул Артур, – тем лучше. – Тут он взмахнул рукой и увидел алые пятна, проступившие на перебинтованной ладони. Грусть мгновенно вытеснила самолюбование. – Кажется, швы разошлись.

Алина цокнула языком, а Костя подошел ближе и тихо спросил:

– Может, доктора вызовем?

– Давай сразу скорую помощь. Мало ли что еще случится, пока мы дойдем до вашей комнаты. – Она в отчаянии огляделась. – Долго еще?

– До конца коридора.

– А раны где можно промыть?

– Вот здесь, – Ромал указал на дверь, неаккуратно выкрашенную в белый цвет. – Там есть раковины и жидкое мыло. Принести полотенце?

– Не нужно. Вы ведь в сто второй живете?

Костя кивнул и проследил за тем, как девушка потащила за собой шатающегося из стороны в сторону брата. Кто бы с ним так возился? Семья у Ромала была большой. Вот только никто в ней не приходил друг другу на помощь, потому что несолидно это. Мужчина всегда должен справляться с проблемами самостоятельно, а женщина всегда должна помалкивать. Вот и вся наука о счастье.

Алина усадила Артура на табурет и включила воду. Пришлось ждать пару минут, так как она была желтоватого цвета. Девушка вымыла свежую царапину на щеке. Потом размотала окровавленный бинт и поморщилась, увидев разошедшиеся края раны.

– Ох, – зашипела она, – с тобой не бывает иначе.

– Я проблемный ребенок.

– Ты – ребенок, тут не поспоришь.

– Мне, кроме тебя, позвонить было некому, – неожиданно признался Арт.

– Не говори чепухи. Подставь руку под воду, давай, она прохладная. – Впервые брат с ней не спорил. Зажмурился от боли, но ничего не сказал. – Сейчас обработаем зеленкой. Ты ведь не выкинул мамину аптечку? Она тебе ее целую вечность собирала. Поднимайся. Нужно привести тебя в порядок, балда.

Алина закрыла воду, вытерла руки о спортивные штаны, а затем вдруг Артур встал с табурета и обнял ее. Так крепко, что у девушки перехватило дыхание.

– О господи, – рассмеялась она, – ты чего?

– Я соскучился.

– Ты пьян.

– От тебя домом пахнет.

– Ну естественно, – девушка запрокинула голову, – я ведь живу там.

– Тут вечно чем-то воняет. Несет то из кухни, то из душевых, – пожаловался Артур и отстранился. – От меня, наверное, тоже уже воняет.

– Разве что алкоголем. Пойдем. Мне завтра рано вставать.

Когда Селиверстовы зашли в комнату, Даня лежал на кровати с открытыми глазами, а Костя расхаживал перед окном с оголенным торсом. Он обернулся и криво улыбнулся:

– Я ведь тебя не смущаю?

– Меня? – не поняла Алина, а потом прикрыла рукой рот и воскликнула: – О боже! У тебя тоже есть соски?

Ромал споткнулся на ровном месте и почувствовал, как кровь прилила к щекам. Он в растерянности пробормотал:

– Теперь я и сам смутился.

А девушка рассмеялась. Она взглянула на Даню, точнее, на его голубые глаза, потому что из-под одеяла торчали лишь они, и взмахнула рукой:

– Алина.

– Даниил Сергеевич, – официально представился Волков, – вы сестра Артура?

– Да. Я та самая несчастная. Где аптечка?

Артур поставил на стол небольшую пластмассовую коробочку, включил старую лампу, а потом поплелся к входной двери, чтобы выключить свет. Алина покосилась на него, а он заявил, что не собирается переодеваться перед ней в такой *светлой* комнате. Костя вышел, Даня отвернулся к стене и чуть ли не с головой накрылся одеялом, а Артур переоделся и в растерянности уставился на зеленую вату.

– Это будет больно, – констатировал он.

– Потерпишь.

– Я сегодня столько уже натерпелся, что...

Алина приложила ватку к порезу на ладони, и Селиверстов взвыл не своим голосом.

– Черт, вот же дерьмо, мне руку из-за тебя ампутируют!

– Не верещи, как девчонка. Разбудишь всю общагу.

– Посмотрел бы я на тебя, чтобы узнать «как верещат девчонки».

Несмотря на капризы Артура, девушка все же перебинтовала ему руку и, вздохнув, посмотрела на сильно поцарапанную щеку. Наверное, нужно было ее обработать и заклеить пластырем. Алина прикоснулась кончиком ватной палочки к ране, и по комнате разнесся недовольный вопль:

– Боже, хватит! – Арт отпрянул и уставился на сестру огромными, грустными и мутными глазами. – Жжет дико, я не хочу больше ничего обрабатывать.

– Мало ли чего ты не хочешь.

– Да отстань.

– Не отстану. – Алина коснулась палочкой ссадины, но Арт дернулся, и вместо точки девушка прочертила на его щеке небольшую кривую линию. – Ну что ты делаешь?

– Я же сказал, не надо.

– Но я...

– У меня рука пульсирует, как будто ее на костре жарят. А ты еще и лицо хочешь мне подпалить. Да ну на хрен. Обойдусь.

– Боже, потерпи еще пару секунд.

– Не хочу. Чего ты привязалась?

– Артур!

– Не строй из себя Мать Терезу, отвянь, я как-нибудь проживу без этой дряни.

Алина обиженно раскрыла рот, но брат чуть ли не подпрыгнул на кровати от злости, и тогда девушка подалась вперед и рядом с кривой полосой, которая напоминала букву «Л», дорисовала кружок и крестик. Артур отмахнулся, свалился на кровать и спрятал очень взрослому голову под подушкой, а Алина устало прикрыла глаза.

В этот момент в комнату вернулся Костя. Он переставлял ноги неуверенно, будто у него сил не было тащить их за собой. Рухнул на край своей кровати и взглянул на Алину. Та складывала лекарства обратно в коробочку.

– А что... – заплетающимся языком начал Ромал и нахмурился, – первую помощь тут не всем оказывают?

– Первую помощь?

– Ну да.

– Слушай, я и так провозилась с вами полночи.

– Но я ранен. – Глаза Кости закрылись, но он дернулся и резко распахнул их. – Честно.

– Да что ты говоришь!

– Сюда, – парень ткнул пальцем в грудь, думая о Лизе, – и сюда. – Теперь он показал на свой подбородок, где запекся толстый слой крови. – Поможешь?

– Я устала, – медленно процедила Алина, – и жутко хочу спать. А мне еще через весь город тащиться. Поэтому, если тебе не сложно... не доставай меня.

– Что и следовало доказать.

– В смысле?

– Ты такая же, как и остальные. Я попросил о помощи, а тебе насрать. Люди – они ведь именно такие. Им плевать друг на друга. Я, возможно, сегодня умру из-за своих ран, но в твоей жизни ничего не изменится, ты и бровью не поведешь. Каждый сам за себя. Так?

Костя широко улыбнулся и щелкнул пальцами, словно завершил некий фокус. Было в его состоянии что-то глубоко трагичное. Вот только Алине было не до анализа ситуации. Замкнутый и нелюдимый Константин Ромал неожиданно поделился с ней своими чувствами. А толку? Он опять выбрал совершенно неподходящий момент. Девушке показалось, что над ней попросту издеваются.

– Значит, такая же, – повторила она, шагнув к парню.

– Такая же, – борясь со сном, подтвердил Костя. – Черствая и бездушная.

– Знаешь, я тут подумала, ты прав. Давай, я рану тебе обработаю. – Алина раскрыла аптечку, смочила в зеленке вату и нависла над парнем, будто грозное облако.

– Не надо делать мне одолжение.

– Что ты, – приложив вату к лицу парня, протянула она, – я и не думала делать тебе одолжение, я от чистого сердца. – Она провела ватой сначала в одну сторону, а потом в другую. Ромал облокотился о подоконник, а Алина отстранилась и усмехнулась.

«Черствая и бездушная», – подумала она и, улыбаясь, покинула сто вторую комнату.

Глава пятая

Начало

Будильник зазвонил так громко, что голова Артура взорвалась от боли; он скривился и попытался перевернуться на живот, чтобы утонуть в нагромождении одеял.

Не тут-то было.

Едва он пошевелился, по всему телу разлилась волна неприятнейших ощущений, и Арт не сразу понял, откуда вообще взялись звон в ушах, ком в горле, ну и режущая боль в левой ладони, будто кто-то вспорол ему ночью руку. Парень сощурился и в растерянности уставился на свои пальцы, а потом хрипло пробормотал:

– Дерьмо...

– Что? – недовольно спросил Костя с соседней кровати. Он часто заморгал, словно у него была аллергия на солнечный свет. – Я не... который час? Что за... – Ромал порывисто приподнялся на локтях, а потом вдруг взвыл громче раненой косули и вновь свалился на жесткий матрас. – Какого хрена? – вполне серьезно поинтересовался он и сжал пальцами переносицу. – Моя башка.

– Моя рука! – заныл Селиверстов. – Когда я вчера руку-то разодрал?

– Ты разодрал руку?

– По-моему, у меня швы разошлись.

– Seriously? – Костя медленно обернулся. – Рука вроде в повязке.

– Но я шевелить ею не могу... вообще! Какая-то жесть. А еще моя щека... Что у меня там? Видно? – Парень вскинул подбородок навстречу утреннему свету, который в Питере почти круглогодично был серым и тусклым. – Мне кто-то врезал?

Ромал не торопился с ответом, но потом все же сказал:

– Тебе кто-то зеленкой на щеке написал «ЛОХ».

– Не смешно.

– Я не шучу.

– Да что ты гонишь, быть не может. Зеленка ведь не... – Шустрее ядерной боеголовки блондин спрыгнул с кровати и кинулся к небольшому зеркалу на стене. Надежда умирает последней, как говорится. Но в случае с Артуром она подохла с завидной скоростью. – Твою ж... мать! Твою мать! Какого хрена у меня это дерьмо на щеке? – Парень прижал к щеке ладонь и начал судорожно оттирать зеленые буквы. – А-а-а! Оно не оттирается!

Костя рассмеялся.

– Чего ты ржешь?

– Я не ржу.

– Нет, ты ржешь, – паниковал Арт, рассматривая свое отражение. – Но это, черт тебя дери, совсем не весело. Это жесть как не весело!

Ромал сонно потер глаза и пробормотал:

– Может, это все-таки не зеленка, а какая-то краска?

– Может, это какая-то краска, – спародировал низким голосом Селиверстов и обернулся: – Я что – кретин, по-твоему? Не могу отличить...

Он резко замолчал. Уставился на соседа во все глаза и застыл, будто кто-то наконец поставил его на паузу. Костя воздал бы за это хвалу Небесам, если бы не странное выражение, застывшее у Артура на лице.

– Что? – бросил Ромал.

– У тебя...

– Что у меня?

– Сам посмотри.

Арт едва сдерживал улыбку. Он по-джентльменски отступил в сторону и освободил место перед зеркалом. Ромал сделал один шаг к своему отражению. Затем второй. Потом свел брови и ледяным, мертвенно-холодным голосом процедил:

– Какого... хрена.

Если на лице блондина красовались огромные буквы, то на лице Кости образовались ярко-зеленые гусарские усы. С завитыми кончиками. *Гусарские усы!*

– Тебе идет, – прыснул Артур и тут же оказался под прицелом диких черных глаз.

– Не. Идет.

– Знаешь, как по мне, так нам надо смыть это дерьмо.

– Нам надо на пары собираться. Который час? – Костя бросился к телефону и в отчаянии запрокинул голову. – У меня лекция Славина через двадцать пять минут. Чтоб его!..

Парни вновь посмотрели на свои лица в отражении и застыли. Они походили на двух психов, сбежавших из дурдома. Вернее, на психа походил Костя, а Артур, казалось, стал жертвой его экспериментов с зеленкой.

Неожиданно дверь комнаты распахнулась, и вошел Даня. В руках он держал миску с какой-то прозрачной жидкостью. Та странно пахла: чем-то горьким, как водка.

– Доброе утро, – искренне улыбнулся Даниил.

– Да какое же оно доброе?

– Прошу прощения, но именно так принято здороваться. Никто не говорит «ужасное утро», когда оно ужасное. Вы уже ознакомились с художествами Алины?

– Алины? – Арт шагнул вперед и сжал кулаки. – Вот же бестолочь!

– Она привела вас в не очень хорошем состоянии. Предполагаю, вы отлично провели время в двенадцатом общежитии. Правда... выглядела твоя сестра жутко уставшей.

– Да я ей пальцы попереломаю!

– Не думаю, что это хорошая идея, – почти враждебно ответил Даня, сведя брови. – Я разделяю ваше недовольство касательно ее рисунков, но она привезла вас посреди ночи в состоянии алкогольного опьянения. Крайней стадии, как мне кажется, хоть я и не могу ручаться за точность, потому что слишком плохо в этом разбираюсь. Она обрабатывала твои раны, а ты все отбивался, как трехлетний мальчишка. А ты... – теперь Даня посмотрел на Ромала, – назвал ее бездушной и, по-моему, черствой. Да, именно так. Черствой и бездушной.

Повисло неловкое молчание, во время которого Костя стиснул пальцами переносицу, а Арт виновато поджал губы. Он долго не знал, что сказать, но потом все же выпалил:

– Да я про пальцы... я ведь фигурально выразился. Не собираюсь я ей ничего ломать.

– Правильно. Твоя сестра очень милая девушка. С хорошо развитой фантазией.

– Это уж точно.

– Я не пошел на первую пару, – деловитым тоном заявил Волков и поставил на столик миску, – решил дождаться, пока вы проснетесь, а в миске спирт, смешанный с лимонным соком. Я прочитал в Интернете, что такой раствор хорошо отмывает зеленку.

– Серьезно?

– Попробуйте.

– Даня, – проговорил Селиверстов, – ты просто чудо.

– Я правда сказал, что она бездушная? – недоверчиво поинтересовался Костя.

– Правда.

– А что я еще наговорил? Я просто... ни черта не помню.

– Говорил, что ты ранен, – доложил Даниил. – И что ты можешь умереть от этих ран. Может, тебе стоит обратиться к врачу?

Ромал горько усмехнулся и пробормотал:

– Разве что к мозгоправу.

Зеленка полностью не отмылась – всего лишь побледнела. Так что «ЛОХ» и «гусарские усы» переливались на лицах парней светло-зеленым, будто клеймо неудачников. В глазах Артура горел один-единственный вопрос: «Чем Алина вообще думала?» А Ромал в который раз убедился, что женщины – зло. Особенно обиженные.

Из-за того, что окончательно отмыть художества Алины не удалось, Даня заклеил зеленку пластырями. Выглядело это не менее глупо, но все же адекватнее. Даниил скептически поджал губы, изучая лица друзей, а потом натянуто улыбнулся:

– Неудачно побрились.

– Так себе причина.

– Скорее, утешение.

– Мне пора. – Костя бросил учебники в рюкзак и нервно прошелся рукой по копне угольных волос. Он не любил опаздывать, не любил извиняться. Не любил оправдываться. По его мнению, попытка оправдаться – это уже признание вины: как только человек пытается найти объяснение своим ошибкам, он автоматически признает, что совершил их.

– Встретимся в кафетерии после четвертой пары? – с надеждой спросил Даня.

Он так и потянулся навстречу Ромалу, надеясь, что им вновь удастся посидеть вместе за столом, словно их связывает крепкая дружба.

– Ага. – Костя кинулся к двери. – Посмотрим.

Дверь захлопнулась, и Ромал, морщась от головной боли, побежал по коридору. И зачем он столько пил? Ах да, хотел хорошо провести время. Еще эта Лиза – отшила его, как будто он уличный пес. Выставила за порог и пинком столкнула в объятия реальности. Был ли вообще смысл думать о ней даже сейчас? Представлять ее золотистые волосы и пухлые губы? А ноги... черт, за такие ноги девчонки, наверное, душу готовы продать... хотя об этом Костя мог только догадываться. Лиза являла собой воплощение красоты, идеала, лучшая и единственная. А Ромал привык, что лучшее достается ему. Красный диплом, олимпиады и поступление. Теперь это казалось не таким важным, а раньше он грыз гранит наук, будто одержимый; в двенадцать его прозвали малолетним гением, подающим большие надежды, и только отец не видел надежд, не видел гения. Видел сына, который обязан жить так, как семья прикажет. Бунтарство – вещь вполне присущая большинству Костиных одноклассников и знакомых. Но предательство... Именно предателем считали Костю. Огромная обиженная семья божилась, что Костя променял семейные традиции на пеструю обертку «достойной» жизни. Другой жизни... лучшей жизни. Иллюзии. Виктор Ромал веровал лишь в семейные узы и часто говорил об этом после третьей или четвертой бутылки пива. Он не признавал существование «мира-за-забором». Он был жестоким, твердолобым и глупым человеком, от которого Костя мечтал сбежать всю свою жизнь.

Ромал ворвался в аудиторию спустя пятнадцать минут после начала лекции. Преподаватель – профессор Славин – покосился на него, не отнимая ручки от тетради, и отозвался:

– Проходите.

– Спасибо.

Костя чувствовал, как другие студенты жгли его взглядами, но не поднимал головы. Так и прокрался к задним рядам, угрюмо пялясь в пол. Он вспомнил, как в школе многие смеялись над ним. Потом-то они, конечно, об этом сожалели, получив урок: всегда следует помнить, что на каждое действие найдется противодействие. А сам Костя уяснил, что на нем клеймо «чужого», и придется ежедневно доказывать толпе, что он чего-то стоит.

– Продолжим, – отрезал Славин, закрывая тетрадь; на нем был мешковатый, широкий в плечах пиджак, отчего преподаватель казался беглецом из далеких пятидесятых. – Еще одна задача. Только не выкрикивайте с места. Выкрикиваете вы обычно полную чушь. Без обид, это так... Констатация факта. – Славин откашлялся и медленно встал на ноги, скрестил руки на груди и взглянул на студентов, словно пес, почуявший добычу. – Что ж, допустим, на Иванова ночью было совершено нападение с целью ограбления... спасаясь от грабителей, он перепры-

гивает через забор, несется к многоэтажке и... разбивает одно из окон первого этажа. Иванов проникает в комнату. Хозяин дома – ну, пусть будет Петров – просыпается от шума и звона разбитого стекла. Он видит в комнате незнакомого человека и принимает его за грабителя. А потом... – Славин сделал драматическую паузу, – потом он его избивает, тем самым причинив тяжкий вред его здоровью. Кто прав, кто виноват?

В воздух тут же взметнулся лес рук, и Костя скептически усмехнулся. Какие же тут все смелые!

Миловидная блондинка с умным видом сказала:

– Виноват Петров – хозяин дома. – Она вся вытянулась, выпрямилась, будто один из соседей прибил ей палку к спине. – Иванов подвергся нападению.

– Ну и что? – не согласился ее сосед: рыжеволосый парень в идеально выглаженном костюме. – Петров защищал свое имущество. Это незаконное проникновение на частную собственность.

– Но Иванов не собирался грабить Петрова или – я не знаю – не собирался драться с ним. Он нуждался в помощи, вот и все.

– Ты, блин, спишь ночью, вся такая в халатике, у кровати тапочки стоят, а к тебе врывается мужик в крови весь, с дикими глазами. И ты, конечно, спросишь, все ли у него в порядке?

– Да я просто...

– Просто не надо врываться на частную собственность, – довольно резюмировал парень.

– Еще есть идеи? – поинтересовался Славин, оглядывая студентов внимательным взглядом. – Петров или Иванов? Кто же виноват? Давайте! Я хочу увидеть мыслительный процесс или хотя бы его отражение на ваших лицах.

– Оба.

Костя и сам не понял, как ответ сорвался с его губ. Десятки голов повернулись в его сторону, а профессор недоуменно вскинул брови:

– Повторите?

– Ну... – Ромал смущенно повел плечами и посмотрел на преподавателя. – Это вроде бы очевидно. Закон нарушили обе стороны, но все зависит от мотивов... Мотивы Иванова нам понятны, поэтому мы можем утверждать, что наказание он получит, правда, не в том виде, в котором получил бы его человек, намеренно пробирающийся на чужую собственность с целью что-то украсть. – Костя нахмурился, думая о чем-то глобальном, а потом медленно отодвинулся назад вместе со стулом. – По правде говоря, задача составлена некорректно.

– Вот как?

– Мы не знаем, почему Петров избил Иванова.

– Как это не знаем? – поморщился рыжеволосый парень. – Тот залез к нему домой.

– Тут дело в другом. Петров избил Иванова с целью задержания? Или чтобы наказать его за преступление? Если я не ошибаюсь – а я не ошибаюсь, – это два совершенно разных обстоятельства, то есть приговор в двух вариантах будет отличаться.

Преподаватель на какое-то мгновение замер – казалось, он приятно удивлен. Потом он кивнул и продолжил лекцию. А Костя невольно улыбнулся. Правда, почти сразу же к нему вернулась его обычная угрюмая нелюдимость, но в глубине души он все же гордился собой.

Пары тянулись бессовестно долго, но Ромал с удовольствием старел в стенах своего университета и не жаловался на урчание в животе. Казалось, студенты бегают в столовую каждые две минуты! Им явно не на что было потратить деньги, у Кости же денег осталось так мало, что он экономил даже на питьевой воде, а они... чертовски счастливые создания. Как же, должно быть, чудесно не заботиться о средствах для существования! Ромалу даже во сне не снилась такая прекрасная жизнь.

Костя уже собирался потянуть на себя дверь студенческой столовой, которую, для шарма, окрестили лакшери-кафетерием, как вдруг разнесся знакомый голос:

– Вортако!

Костя по привычке обернулся так резко, словно собирался врезать кому-то по лицу. Артур затормозил с поднятыми руками еще в нескольких шагах перед ним и недовольно нахмурил брови:

– Что ты вечно прибить кого-то хочешь?

– Подкрадываться не надо.

– Подкрадываться? Я заорал по-цыгански на всю улицу.

– А я не услышал.

– Тогда буду носить с собой громкоговоритель.

Артур и его юмор... Ромал скептически поджал губы, а Селиверстов рассмеялся. Ему, видимо, пришлось по вкусу собственная шутка. Даниил тоже улыбался. Правда, он стоял рядом с Артом такой тихий, что Костя его даже не сразу заметил.

– Тут такое случилось, – присвистнул Артур, – не поверишь.

– Я заинтригован.

– Отойди с прохода.

Арт потащил ребят за собой под тень массивного старого дуба и почесал пластырь на щеке, потемневший от налипшей пыли. Бросил на землю кожаный портфель. Еще одна вещь, которая абсолютно не выделяет его среди остальных... *Именно не выделяет...* Ведь каждый второй носит брендовые вещи с королевскими гербами.

– Мы встретили сегодня Олю, – начал Артур, прищурившись от тусклого солнца, – она сама нас нашла, если честно. Хотела поблагодарить. Сказала, что Семенов пробежал сегодня мимо нее, даже голову не подняв.

– Ну, отлично. Дело сделано.

– Ага. Она тоже сказала что-то подобное, а потом вручила мне это.

Селиверстов вытащил из кармана тысячу рублей и помахал купюрой перед носом Кости.

– Что это?

– Чувак, ты давно денег не видел.

– Арт, не нарывайся, – отмахнулся Ромал, – я спрашиваю, откуда у тебя косарь?

– Оля дала. За «дело», как ты выразился.

– Но мы ведь объяснили ей, что нам ничего не нужно.

– А она притворилась, что не услышала. Всучила мне ее и убежала. Даня подтвердит, я брать не хотел. Правда?

– Правда, – наконец нарушил молчание Волков.

Ромал нерешительно повел плечами:

– Ну, что поделать? Деньги лишними не бывают.

– А вам не кажется, что это немного... незаконно? – пробормотал Даниил и взглянул сначала на Костю, а потом и на Артура перепуганными глазами. – Вы побили парня, а вас деньгами за это отблагодарили. Немного аморально для современного общества.

– Мы денег ни у кого не просили. Да и на тысячу особо не разгуляешься.

– Верно. Вот только это еще не все. – Артур шагнул вперед, а Даня отвернулся. Ему, по правде говоря, безумно не нравилось все происходящее. – Какой-то парень нам душу решил излить, сказал, что его препод исключить хочет. Препод – псих! О нем песни слагают целыми поколениями. Мужуку под шестьдесят, и он топит всех, кто ему не особо приглянулся. Так вот этот парень в слезах попросил... поболтать... ну...

– Со стариком? – не понял Костя и фыркнул. – Пусть сам разбирается.

– Я так ему и ответил.

– Не хватало еще начищать рожи преподавателям. Тем более что большинство этих несчастных мальчиков сначала ничего не делают, а потом им припекает задницу.

– Именно. Но знаешь, он ведь тоже деньги предлагал.

Арт усмехнулся, а Ромал удивленно пробормотал:

– Люди походили с ума.

– Какой-то сосунок готов платить за то, чтобы мы припугнули старикана. Я не помню, чтобы ко мне когда-то обратились с более странной просьбой.

– Уж это точно незаконно, – вставил свои пять копеек Даня.

– Знаешь как говорят? «Здравый смысл может оправдать любое зло»¹⁵.

– Где такое услышал?

– Прочитал в какой-то книге.

– Меня больше поражает, откуда люди вообще знают, что к нам можно с этим обратиться.

– Люди все всегда знают, – со скучающим видом отчеканил Костя. Он посмотрел на кучерявого блондина и повел плечами. – Рано или поздно до них дойдет, что к чему. Так что выброси этот портфель на помойку и прояви хотя бы толику интеллекта.

– Класс... Называешь меня тупым? А как же «вортако»? – Артур даже обиделся. Он с таким недовольством посмотрел на Ромала, что тот растерялся. – Был бы я девчонкой, вlepил бы тебе пощечину.

– Да я пытаюсь помочь, гений. В чем смысл учиться «инкогнито», если ты носишь в руках портфель с гербом юридической конторы твоего отца?

– Этот герб, кроме тебя, никто не видел.

– Ну и надейся, что это так. Вот только на надежде далеко не уедешь.

– Ребята, – Даня дернул Артура за локоть, – там...

Он замолчал, и парни обернулись. К ним неуверенно шла девушка высокого роста, даже слишком высокого. Ее угольные волосы были настолько длинными, что закрывали поясницу. В кулаке она сжимала платок с небольшими красными пятнами. Только потом, когда она уже остановилась напротив замолчавшей троицы, слишком неуклюжая, слишком высокая и некрасивая, ребята увидели ее распухший темно-бордовый нос.

– Привет, – незнакомка смущенно улыбнулась, – не хотела мешать, но... вы парни из сто второй комнаты?

Вначале ей никто не ответил. Пожалуй, ребята были ошеломлены, как если бы их машину выбросило на огромной скорости в кювет.

– Не из сто второй?

– Из сто второй, – очнулся Артур и доброжелательно выступил вперед. – Мы знакомы?

Девушка внезапно искренне рассмеялась. Она взмахнула рукой, закатила глаза, красные то ли от слез, то ли от чего похуже, а потом пролепетала:

– Такую, как я, вы бы запомнили.

– Это верно. Твои... – Арт хотел быть милым, вежливым, участливым и подзавис, выдумывая комплимент, а потом довольно прищурился: – Классные волосы.

– Спасибо. Маме тоже нравятся.

– Что стряслось?

На этот раз в разговор вмешался Костя. Если Артур и Даня пытались улыбаться, то на лице Ромала отражалось сочувствие. Ему было ясно, что значит разбитый, покрасневший нос девушки. Костя ощутил себя на редкость беспомощным.

– Понимаете, я живу на этаже с Катей Морозовой.

– Ка-а-а-а, – протянул Артур, – теперь мне все ясно.

– Она позавчера всей общаге рассказывала про вас и про то, что вы для нее сделали.

– Удивительно, что не всему институту.

¹⁵ Цитата из книги Вероники Рот «Дивергент».

– Это вопрос времени, – отшутилась девушка, прижав платок к носу. – Знаете, дело в том, что у меня есть кое-какие проблемы. Некоторые из них очевидны. Например, лицом я не вышла. – Она вдруг рассмеялась.

Слезы блеснули в ее серых глазах, и Даня, которого одолевали пугающие, неприятные догадки, спрятался за спиной Кости.

– Да что за глупости! Ты вполне...

– Парни из моей группы подстерегли меня вчера после пары и повеселились, – как на духу выпалила незнакомка. Она порывисто опустила руки, отвернулась, а потом храбро расправила плечи и вновь посмотрела на ребят. – Плевать на нос. Заживет. Но они взяли и мой дневник. Это глупо, я понимаю, но просто... он мне нужен, там столько всего... Мне не то чтобы стыдно, но разве будет правильно, если они его прочитают? Если они расскажут всем, что там? Если они будут ржать по углам и шептаться за моей спиной, а потом передавать эти глупые записки на парах и еще раз смеяться, смеяться, смеяться...

Поток слов вдруг оборвался, и девушка прикрыла рот ладонью. Слезы полились из ее глаз. Но она не обратила на них внимания, спряталась в тени дерева и поглядела на парней, словно подстреленное животное.

Ее длинные волосы развевались на ветру, будто черная шаль.

– Простите, – прошептала она.

– Не извиняйся, – приказал Костя.

– Я не хотела плакать, я просто... Вы можете?

– Нужно забрать дневник?

– Я вам заплачу.

– И ты туда же, – удивился Артур и закинул руки за голову, – почему люди решили, что за помощь нужно платить?

– Я бы... наверное, я бы хотела вас отблагодарить, если все получится.

– Или ты думаешь, что это нас замотивирует, – бросил Костя.

– Так вы мне можете?

– Поможем.

– Правда?

Арт посмотрел на Костю, потом на Даню и на выдохе ответил:

– Правда. Как тебя зовут?

– Маша.

– Кто тебя ударил? – Костя покосился на багровый нос девушки.

– Я уже не помню. Их было много... я закрыла лицо руками, потому что свалилась на землю, а потом кто-то замахнулся – я ведь удачливая, – она опять улыбнулась сквозь слезы, – и потому мне зарядили прямо по носу.

Ромал нахмурился. Сколько же тварей ходит по земле, сколько людей не отдает себе отчета в том, насколько мерзко они себя ведут! Безнаказанные и жестокие, они творят все, что им заблагорассудится, и никогда не платят по счетам. Правило бумеранга устарело, плохое не возвращается, хорошее – тем более. Такое чувство, что люди сорвались с цепи. Они и раньше унижали друг друга, но сейчас – это поведенческая норма, средство самоутверждения.

– Маш, – Костя устало опустил руку и посмотрел на девушку, – займешь нам место в столовой? Мы подойдем через пару минут.

– Да, конечно. – Девушка неуверенно улыбнулась. – Я... тогда я вас жду?

– Ага.

Маша ушла, а Ромал посмотрел на ребят и потер лицо ладонями. Хоть все и молчали, у каждого накопилось столько слов, что хватило бы на целую книгу.

– Мы найдем дневник, – решительно отрезал Артур, – ведь так?

– Так.

- Люди совсем с ума посходили!
- Ей нужно было обратиться в деканат, – встревоженно пролепетал Даня.
- Всю группу не отчислят. Она бы только сильнее разозлила своих «друзей».
- Но кто-то же должен наказать этих преступников. Неужели не найдется управы на кучку

распоясавшихся подростков?

- Найдется. – Костя перевел холодный взгляд на друга и кивнул: – Мы.
- Мы? – не понял Даниил.

– Три человека за два дня. Представьте, сколько по этим коридорам ходит тех, кому нужна помощь, но кто боится ее попросить? Кому не к кому обратиться? Наплевать на сосунка, у которого проблемы с преподавателями. Я о реальных проблемах. Эту девчонку травят.

- Людей не изменишь, Кость.
- Их можно... припугнуть. Можно попытаться объяснить.
- Ты на эмоциях, – пробормотал Артур, – вот и хочешь спасти мир.
- Я не хочу никого спасать – я хочу помочь. Черт возьми, мы и так помогаем, просто...
- Что?

Ромал вздохнул. Как он ни старался, ему не удавалось избавиться от одолевавших мыслей. Взмахнув рукой, он договорил:

- Так это продолжаться не может.
- Как? – свел брови Селиверстов. – Стихийно?
- Открыто, – поправил его Костя. – Даня прав. Ничего законного в моей идее нет.
- Вот. – Даня решительно кивнул. – Я прав.

– Но мы можем придумать что-то другое... к нам не должны обращаться лично, или у нас на пороге уже к завтрашнему утру появятся менты. Пока что пронесло, но не факт, что пронесет и дальше. Вот ты учишься «инкогнито». И помогать мы тоже будем «инкогнито».

– Ну, тогда выбор очевиден... – Артур опять почесал пластырь, который изрядно ему надоело, и пожал плечами. – Нужно переместиться в другую реальность.

- В какую еще реальность?
- Сам подумай, где можно общаться с людьми, не знакомясь и не представляясь? Где ты понятия не имеешь, достает тебя горячая красотка или сорокалетний девственник?

Костя запрыгнул на поезд мыслей Селиверстова и вдохновенно кивнул:

- Интернет.
- Десять очков Гриффиндору.
- Надо создать сайт. Что-то вроде телефона доверия, но только в социальной сети.
- И кошелек свой откроем. Ну, на случай, если кто-то захочет нас отблагодарить, как

Оля, например. Это же не преступление – получать подарки?

- Сам сайт – преступление, – нахмурился Ромал.

Он разбирался в химии, физике, истории, психологии, литературе, биологии. Но не в информатике. Сайт подобного содержания вычислят за сутки. А может, и за пару часов... Не хотелось бы полжизни расплачиваться за желание восстановить справедливость в этом чертовом мире, тем более что не каждый берется за такую грязную работенку.

– Я, вообще, неплохо разбираюсь в программировании, – неожиданно сказал Даниил, и парни одновременно обернулись к нему. – Я же говорил, что мой отец работал в этом университете. Был профессором математических наук. Собственно, потому я здесь – я хотел понять его. Знаете, я всегда был хорошистом в школе. Но информатика... я прочитал все папины работы еще в девятом классе. А в десятом уже спорил с учителем. Он, если уж говорить честно, был слабоватым профессионалом.

Ромал замер, а Артур широко улыбнулся и выпалил:

- Мне это снится.
- Почему снится? – не понял Даня. – Я действительно могу...

– Да это выражение такое. Нам крупно повезло! Ты хоть понимаешь, во что мы здесь ввязываемся, вортако? – Арт стремительно повернулся к другу. – Ты – немного псих, мы это и в первый день уяснили. Хотя идея мне правда нравится. Почему бы не заступиться за Олю? Или не защитить Машу? Тем более что мы можем это сделать.

– Мне очень жаль этих девушек. И, если вы намерены помогать им, я с вами. – Даня серьезно кивнул. Он до сих пор помнил, как ребята ушли из комнаты на поиски Олиного обидчика и оставили его одного... давно он так не страдал от бессонницы. – Друзья ведь всегда друг за друга стеной, да? Я плохо понимаю, что означает эта фраза и при чем тут стена, но моя мама часто так говорит. Значит, в этом есть смысл.

– Есть, Дань. Хорошая фраза.

– Вы должны уяснить, что *мы осознанно подписываемся на это дело*, – проговорил Костя и уставился на соседей, – и никаких поблажек не будет, если нас поймают или что-то пойдет не по плану.

– Мы ведь не затеваем ничего плохого, – нахмурился Селиверстов, – не нагнетай.

– Грань тонкая.

– Не будем ее переходить. Слушайте, пойдемте в столовую. Маша нас ждет.

– Точно, – Ромал устало кивнул. Как же ему хотелось спать! – Только нам не стоит искать ее дневник в открытую.

– Не понял.

– Говорите поменьше, я сам подведу Машу к нужным вопросам и ответам. Сколько времени уйдет на создание сайта?

– Примерно двадцать шесть часов, тридцать одна минута и...

– Даня, такая точность ни к чему.

– А, ну тогда чуть больше суток.

– Отлично. – Ромал покосился на Арта. – Начнем сегодня.

Глава шестая

Ночные животные

Костя не скучал по прежней жизни. Единственное, что связывало его с трущобами и металлическими заборами, с лабиринтами веревок, на которых сушили одежду, и доверху забитыми мусорными баками, – мама. Ромал не забывал о прошлой жизни из-за нее.

Анна Ромал не поощряла выбор сына. Какое-то время она злилась и отказывалась общаться с Костей, как и все остальные родственники. Но вскоре Анна смирилась. Пусть он учится, пусть уезжает, она молилась лишь об одном: чтобы Костя нашел свое счастье. Немного холодная, скупая на слова, но любящая, она всегда поддерживала Ромала.

«У каждого из нас своя клетка». Так она говорила. Каждый сам выбирает, из-за чего он будет страдать, с чем будет мириться, за что станет бороться. Угодить всем нельзя. А расставить приоритеты можно. Главное не ошибиться, потому что, в отличие от родителей, незнакомцев, друзей или любовников, сами себя мы редко прощаем.

– У нас недели через две в пятницу не будет занятий, – бросил в трубку Костя, – и я хочу приехать. Ты не против?

– Приезжай, если считаешь нужным.

– У тебя голос уставший.

– Я недавно вернулась с работы. Сейчас придет отец.

– Ясно. – Ромал ткнулся лбом о холодную плитку. На кухне готовили, в комнате отдыха болтали студенты. Косте пришлось пойти в душевую, чтобы поговорить с матерью без свидетелей. – Я давно тебя не видел. Ты в порядке?

– К чему эти вопросы? – на выдохе поинтересовалась Анна. – Если ты...

– Непривычно беспокоиться на расстоянии.

– Я не собираюсь повторять то, что уже говорила. Ты в университете. Вот и заботься об учебе. Мэ шукар.¹⁶ Не нужно лишних слов.

– При чем тут лишние слова?

– Мэ кхраниб.¹⁷

– Хорошо, отдыхай. Тебе точно ничего не нужно? Может, приехать раньше или...

– Сейчас придет отец, – с нажимом повторила Анна Ромал, и Костя замолчал. Он так глубоко втянул прохладный воздух, что легкие чуть не лопнули. – Ты злишься, – вдруг проговорила Анна. – Ты всегда злишься. Что бы ни случилось, это твоя защитная реакция.

– Нет у меня никакой защитной реакции.

– Не притворяйся, что все в порядке.

– Это я-то притворяюсь? – недовольно отозвался Костя. – Ты не отвечаешь на мои вопросы, меняешь тему и повторяешь, что все отлично. Хотя я не могу приехать домой без предупреждения.

– Я говорю то, что *должна*.

– Ты *должна* говорить мне правду.

– Моя правда отличается от твоей.

– Дэвэл, мама! К чему этот концерт? Моя правда, твоя правда. Я должен знать, что с тобой, как ты, где ты, я должен знать, что этот ублюдок...

– Хватит!

– Дослушай меня.

¹⁶ Мэ шукар – с цыганского языка «Я в порядке».

¹⁷ Мэ кхранио – с цыганского языка «Я устала».

– Мне незачем тебя слушать! – с усиленным акцентом воскликнула Анна. Когда она злилась, у нее всегда менялось произношение. – У каждого из нас своя клетка. Я не спасаю тебя из твоей, а ты оставь меня в моей.

– Это нечестно.

– Мне пора.

– Мам, подожди...

Анна сбросила звонок, и Костя в очередной раз застыл с телефоном в руке, слыша на противоположном конце провода лишь длинные гудки. Как же его раздражали традиции и устои давно минувших дней! Он не понимал мать, не понимал отца. Не понимал мир, в котором жили его родственники. Может, поэтому он и сбежал? Он был запредельно далек от покровительства «априори», от уважения «без причины», от любви «по разумению», он не понимал, как можно уважать за факт существования. Как можно терпеть обиды и несправедливость? Как можно задыхаться в клетке, но не бежать на волю? Откуда взялись эти порядки незаслуженного почитания, уважения старших лишь за их возраст и опыт, который не всегда применим здесь и сейчас, в нашем времени. Мир за забором – гораздо страшнее, чем описывал в своих проклятиях отец. В этом мире трудно найти свое место и свое дело, почти невозможно обрести верных друзей, легко обзавестись завистниками и врагами. Мир за забором не определяет, как тебе жить, не рисует карту и не подсказывает, кем ты можешь стать. Так сложнее и рискованней, но так правильней. Место Константина определили еще до его рождения. Но почему? Кто дал им право распоряжаться мечтами и надеждами другого человека? Ромал ненавидел почти все, что имело отношение к его семье, но не проживал ни дня, не сожалел о своих чувствах. Как-никак, идти против своей крови в его общине считалось истинным преступлением; измена там страшнее, чем убийство и воровство. А он изменил принципам с той самой минуты, как понял, что способен отвечать за поступки самостоятельно, и отказался проживать уже прожившую кем-то жизнь.

Ромал вернулся в сто вторую комнату. Даня лихо барабанил пальцами по клавиатуре ноутбука, а Артур, растянувшись на полу, ел пищу.

– Откуда деньги? – удивился Костя, захлопнув за собой дверь. – Или ты выкрал еду у соседей, пока они прохлаждаются в коридоре? Ты же не потратил нашу тысячу...

– Это подарок, – жуя, заявил Селиверстов.

– И кто такой щедрый?

– Скорее, виноватый. Алина прислала. В коробке была записка.

Блондин кинул карточку Косте, и тот лениво усмехнулся, прочитав: «Примите дары. И больше не злите меня».

– Милая у тебя сестра.

– Само очарование! – рассмеялся Артур. – Иногда я удивляюсь, как мы с ней вообще родственниками оказались. Алина на самом деле добрая. Наверное, мы и вправду жутко ее выбесили. Ты быстро вернулся, – неожиданно подметил он, – уже поговорил?

– Ага, – небрежно бросил Костя и присел на край кровати.

– Все в порядке?

– Все путем. Что у нас с сайтом?

– Структурирование я закончил, – доложил Даниил, серьезно хмуря брови, – надо бы подумать над дизайном и названием. Есть идеи? Я вас не тороплю – просто описываю план действий. Необходимо придать сайту законченный вид.

– Визуальная составляющая – одна из самых важных, – кивнул Ромал. Он взял кусок пищи, положил на тарелку и поставил рядом с Даней: – Не проворонь.

– Спасибо.

– Сайт должен привлекать, удерживать внимание. У клиента должно возникать желание смотреть на него, понимаете? – Костя встал на ноги. – Любой, кто окажется на нашей стра-

нице, просто обязан почувствовать как минимум интерес. А что сейчас привлекает людей? Страшилки из реальной жизни. Жесть с улиц. Правда, не прикрытая цензурой.

– Знаешь... – нерешительно прохрипел Арт, – иногда ты меня пугаешь.

– Такой сайт и должен пугать. Люди отчаялись, они хотят найти помощь. Но как довериться?

– Может, создать раздел, где пострадавшие смогут рассказать о нашей помощи?

– Именно. Они должны общаться между собой, чтобы возникала иллюзия общности, что-то по типу ощущения: «Я – не один такой» и прочего в этом духе. Надо... надо сделать так, чтобы люди не боялись рассказывать о своих проблемах.

– И как же этого добиться? – Арт нахмурился и скрестил на груди руки. – Вряд ли у кого-то хватит смелости первым поведать о своих неудачах.

– Верно, поэтому первых не будет. Откроем сайт, напишем несколько вымышленных историй. Никто не пустится в откровения лишь бы кому и лишь бы где, если только...

– ...это не сделал кто-то раньше.

– Психология, – развел руками Костя и присел на табурет у стены. – Всем проще жить, зная, что кому-то так же плохо. К тому же высказываться в безликом пространстве Интернета куда проще, чем в реальной жизни.

– Удивительно, что к нам вообще Маша и Оля лично обратились, – заметил Арт.

– Наверное, мир совсем их доконал.

– Доконал? – не понял Даня, обернувшись через плечо.

– Надоел, – пояснил Костя, и щуплый парень вновь вернулся к оформлению сайта. – Нам нужно придумать, как распространить информацию. Мы ведь не будем подбегать к прохожим и предлагать им свои услуги.

– Сделаем визитки, – предложил Артур. Он прошелся пальцами по зеленым буквам на щекке и невинно пожал плечами: – Быстро и эффективно.

– Сам будешь их раздавать?

– Отдадим Кате Морозовой. Она поболтать любит. Скажем, что сами больше уже таким не занимаемся и подружкам ее помогать не станем. А вот эти ребята...

– Допустим, – согласился Ромал, – а на какие шиши сделаем визитки?

– Думаешь, Алина отделается одной пиццей?

– Она поможет?

– Я не хочу втягивать ее в эту авантюру. Просто скажу, что знакомым нужна помощь. Она в школе искусств учится, и у нее много знакомых в типографии. Может, она и логотип классный придумает.

– Так она художница, – протянул Костя и стукнулся спиной о стену. Почему-то кожа, на которой красовались гусарские усы, неприятно зачесалась. – Это многое объясняет.

– У нее зимой важная выставка, так что она вся на нервах.

– Хочет стать Рембрандтом?

– Скорее, Ван Гогом. У него цветы лучше выходили.

Ромал усмехнулся. Он до сих пор не верил, что общается с Артуром и согласился на помощь Дани... Все это было чертовски неправдоподобно, будто он сошел с ума или видит навеянный наркотиками сон. Есть ли у них шансы, есть ли смысл в том, что они затевают? Стоит ли вообще браться за это дело, ломать над ним голову? Однако, как ни странно, у Ромала не возникало сомнений, *что надо попробовать*. Сколько раз отец почти вышибал из него дух? Сколько раз Костя нуждался в помощи, но рядом никого не было? Никто даже не замечал, что происходит. Разве это... не дико? Разве не страшно, когда отец бьет сына? Когда подростки находят жертву? Когда парень поднимает руку на девушку? Когда люди смеются над тем, кто на них не похож, когда выносят приговор из-за цвета кожи или унижают из-за прикуса, роста, акцента, одежды, денег, телефона, лица?

Ромал был изгоем, он плыл против течения и знал публику, с которой стремился найти общий язык. Иногда даже ему хотелось *поговорить с кем-то* о том, что он пережил. Даже ему нужен был кто-то, *кто выслушает*.

– Напор и отпор.

– Что? – Костя тряхнул головой и уставился на Артура. – О чем ты?

– О названии. – Приятель провел рукой по кучерявым волосам. Он хмурился, будто у него мозги уже закипели от обилия информации. – Звучит довольно пафосно.

– Больше похоже на слоган.

– Мы еще и слоганы придумывать собираемся?

– Название должно отражать действительность, – вкрадчивым тоном сообщил Даня и повернулся к друзьям. – Оно должно разъяснять, чем мы занимаемся, иначе нас не поймут. Если нас не поймут, то не запомнят. Достаточно отталкиваться от вопросов, и мы непременно сойдемся на одном варианте. Например, что мы делаем?

– Помогаем людям.

– Однобокая версия.

– А есть второй бок?

– Разумеется. Одним людям мы помогаем, но другим приходится несладко.

– Да брось, – отмахнулся Арт, – Семенов получил пару затрепанных. Невелика трагедия.

– Это ты так думаешь.

– Мы не собираемся просто так тиранить людей, – вмешался Костя, взмахнув рукой. – Каждый получает по заслугам. Дождаться Божьего гнева или Судного дня слишком долго, так что приходится немного ускорять процесс самим. Оля никогда бы не справилась с Семеновым, а мы справились. Вот и все. Он зарывался только потому, что считал себя сильнее.

– А мы еще сильнее, – ухмыльнулся Артур, – тут ничего не попишешь.

– Похоже на документальный фильм с «Энимал Планет»¹⁸. – пробубнил Даня.

– Еще бы! Выживает сильнейший.

– И вам не кажется, что это философия лесных зверей?

– Почему только лесных? – не понял Арт.

– Сомневаюсь, что у животных есть философия, – задумчиво добавил Ромал.

– Знаете, давайте перейдем к следующему вопросу, иначе я буду вынужден повисить на вас голос. – Даниил положил руки на колени. Его голубые глаза ярко светились, словно два огромных сапфира. – С какой целью мы помогаем людям?

– Чтобы... добиться справедливости? – выгнув брови, предположил Селиверстов.

– Чтобы всякие гады не думали, будто на них не найдется управы?

– Чтобы сделать мир лучше, – с надеждой выдохнул Даня. – Ваши ответы пугают, и я не против справедливости, но самосуд... Костя, разве мы имеем право выносить приговор?

– Приговор выносят те, кто просит о помощи.

– Тогда мы – орудие расправы.

– Зачем же копать так глубоко?

– Что копать?

– Ну, не копать... утрировать. Я же не предлагаю расследовать убийства. Мы можем помогать тем, кого обидели. Вот и все. Разумеется, прежде чем взяться за дело, мы должны выяснить, действительно ли человек совершил то, в чем его обвиняют.

– И как мы будем это делать?

– Следить. Искать. Сейчас в Интернете можно многое найти. А если мы не уверены, оставим до тех пор, пока не выясним точно.

¹⁸ «Animal Planet» – американский телеканал, транслирующий передачи о животных в их естественной среде обитания.

– Среди дня разбираться не получится, – пробормотал Артур, потянувшись за очередным куском пиццы, – нужно выходить вечером.

– Ну да, ближе к ночи.

– А что насчет одежды? Нас ведь не должны узнать.

– Найдем что-то темное и носить будем только на вылазки. – Ромал задумчиво потер лоб и уставился в пустоту, прикидывая возможные варианты. – Я думаю, нам понадобятся маски. Светиться – не вариант. Нас быстро сдадут, и мы вылетим из универа.

– Маски? – встревоженно переспросил Даня.

– А как ты хотел? – жуя, поинтересовался Селиверстов. – Нас действительно не должны опознать. Ты же понимаешь, что права сейчас качают все кому не лень. Мы и моргнуть не успеем, а уже выстроится очередь из тех, кто захочет отыграться, если...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.